

ГРЕХОЕДКА

Мёртвые
уходят
голодными

АНТОН АБРАМОВ

АНТОН АБРАМОВ

Грехоедка

«Автор»

2026

Абрамов А.

Грехоедка / А. Абрамов — «Автор», 2026

В валлийской деревне мертвых не отпускают без хлеба и соли. Их грехи должен съесть другой, чтобы покойник не ушел голодным. После смерти бабушки, последней грехоедки деревни, Эйра возвращается в дом, из которого когда-то сбежала, и вынуждена сама провести обряд. Вместе с чужой виной она наследует тайный архив: обрывки признаний, спрятанные смерти и след человека, убившего ее мать. Но мертвые не могут дать показания. Эйра не способна передать полученное ни словами, ни письмом, а каждый грех, который она решится открыть до конца, забирает одно из ее собственных воспоминаний. Убийца ещё жив. Десятилетиями ему доверяла вся деревня, и правила он знает лучше самой Эйры. Чтобы добраться до правды, ей придётся доказать невозможное с помощью мира живых — и решить, стоит ли знать всё, если это знание навсегда останется только внутри неё.

© Абрамов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Вес хлеба	5
Глава 1. Дом с гробом	5
Глава 2. Соль справа	18
Глава 3. Деньги у двери	30
Глава 4. Не будите девочку	43
Глава 5. Подушка	55
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Грехоедка

Часть I. Вес хлеба

Глава 1. Дом с гробом

Гроб входит в дом раньше меня.

Дай держит створку калитки плечом, пока двое мужчин разворачивают носилки между каменной стеной и кустом розмарина. Моя машина стоит поперёк узкого въезда: я оставила её там, где заглох двигатель после трёх попыток припарковаться, и теперь задняя дверь фургона не открывается до конца.

— Ключи, — требует Дай.

Я ещё не успела снять руку с дверцы.

— Зачем?

— Машину переставить.

Он протягивает ладонь. Кожа у основания пальцев потемнела от дерева и металлических ручек; ногти подстрижены коротко, на запястье старые часы с белым циферблатом. В детстве я знала по этим часам, сколько времени остаётся до закрытия крышки. Дай не менял их или выбрал новые, похожие настолько, что разницу уже некому подтвердить.

Я снимаю кольцо с двумя ключами и брелоком суда, кладу ему в ладонь. Дай передаёт связку помощнику, называет положение сиденья и просит не тянуть ручной тормоз до щелчка: моя машина, по его мнению, разговаривает громче владельца. Помощник садится за руль, освобождает въезд и ставит автомобиль вдоль стены.

Ключи возвращаются Даю. Он убирает их во внутренний карман куртки, потому что руки помощника уже заняты носилками.

— Отдашь?

— В доме.

Он поворачивается к фургону.

На носилках лежит закрытый транспортировочный чехол. Чёрная ткань натянута у плеч, ремни проходят через металлические скобы, молния застёгнута до самого края. Я вижу только форму тела и карточку возле изголовья.

OLWEN PRITCHARD.

Распечатано заглавными буквами. Под именем дата рождения и сегодняшняя дата.

Дай проверяет нижний ремень.

— Через переднюю не пройдем. Стол убрали?

Из дома отвечает Гвен:

— Убрали всё, что вы велели. Мейри вернула половину на место.

— Значит, уберите ещё раз.

Мужчины поднимают носилки. Дай идёт первым, спиной в дом, считает ступени и предупреждает о низкой притолоке. Я остаюсь у калитки, пока карточка с именем Олуэн не исчезает в прихожей.

Дорога из Кардиффа заняла меньше трёх часов. Последние двадцать минут я ехала по местам, названия которых знала раньше дорожных знаков: Лланфиллин, поворот у закрытой заправки, каменная стена, за которой весной лежали новорождённые ягнята. Я не останавливалась. На рабочем телефоне оставались два вызова от Нии Харт, сообщение секретаря суда и голосовая запись Ффион, где она просила не входить в дом одной.

Я приехала не одна. В доме уже были все.

Мейри появляется на крыльце. Чёрное платье доходит до середины голени, на груди серебряная брошь в форме листа, волосы уложены так, чтобы ни один конец не касался лица. Она оглядывает меня от туфель до воротника и выбирает, с чего начать.

— Ты похудела.

— Олуэн умерла.

— Одно другому не мешает.

Она отступает, пропуская внутрь.

В прихожей сняли коврик, узкий стол перенесли к лестнице, фотографии со стены составили на подоконнике. Моя детская карточка из начальной школы стоит лицом к стеклу. Рядом портрет Бранвен в форме районной медсестры и снимок Олуэн возле часовни, где она держит поднос с чашками. Кто расставил их в таком порядке, неизвестно.

Дай уже открыл транспортировочный чехол. Гроб стоит в передней на деревянных козлах; крышка прислонена к стене внутренней стороной наружу. Светлое дерево без лака, латунные ручки, белая ткань внутри. Олуэн лежит на спине, руки сложены ниже груди. На ней тёмное платье, которое я видела в шкафу каждый раз, когда приезжала: плотная ткань, высокий ворот, мелкие пуговицы до пояса. Нижнюю пуговицу заменили другой, чуть крупнее и темнее.

Лицо подготовили осторожно. Волосы убраны от висков, рот закрыт, подбородок поднят выше, чем она позволяла при жизни. Глаза не оставили ей никакой работы.

Я подхожу ближе.

Смерть Олуэн подтверждают предметы. Карточка на фургоне. Бумага Дая. Люди в доме. Само лицо могло бы принадлежать сну, если забыть, что Олуэн никогда не лежала на спине и не складывала руки без причины.

Гвен выходит из кухни, вытирая ладони о фартук. Она ниже меня, широкая в плечах, с седыми волосами, собранными у затылка деревянной шпилькой. На фартуке мука. Значит, хлеб уже начали.

— Поздоровайся, — просит она.

— Она не услышит.

— Ты услышишь.

Я смотрю на Олуэн.

— Я приехала.

Гвен кивает, принимая фразу за выполненное действие, и возвращается на кухню.

Мейри встаёт у крышки.

— Дай привёз её раньше, чтобы всё успели до ночи.

— Что именно?

Она не отвечает. Поправляет край белой ткани у плеча Олуэн, хотя ткань лежит без складки.

У буфета стоит доктор Хауэлл.

Я замечаю его лишь сейчас: тёмный пиджак с узкими лацканами, светлая рубашка, трость прислонена к стене, в руках чашка без блюдца. Ему семьдесят восемь; возраст я знаю из ежегодных поздравлений часовенного комитета, которые Олуэн вырезала из местной газеты. Белые волосы зачёсаны назад, лицо стало уже, но голос сохранился.

— Эйра.

— Доктор Хауэлл.

— Гарет. Вы давно не пациент.

— Вы давно не врач.

Угол чашки касается его нижней губы. Он не пьёт.

— Официально — да.

— Что вы здесь делаете?

— Гвен позвонила мне утром.

Из кухни доносится:

— Потому что районный врач ехал сорок минут.

Хауэлл ставит чашку на буфет.

— Я приехал первым, убедился, что реанимация не требуется, и дождался дежурного врача. Свидетельство оформлено им.

— Во сколько вы приехали?

— В семь двенадцать.

— Кто нашёл Олуэн?

— Гвен.

— Во сколько?

Гвен снова появляется в дверях.

— В шесть сорок. Я принесла молоко, дверь была не заперта. Она лежала в спальне, одеяло на полу, очки на книге.

— Какая книга?

— Синяя. Названия не помню. Не смотрела на обложку, Эйра.

Я достаю телефон.

Мейри делает шаг ко мне.

— Сейчас обязательно?

— Да.

Я открываю заметки и записываю: Гвен вошла в 6:40; дверь не заперта; Олуэн в спальне; одеяло на полу; очки на синей книге. Источник — Гвен.

— Ты ведёшь протокол собственной бабушки? — спрашивает Мейри.

— Я записываю, пока владельцы слов находятся в комнате.

— Здесь семья.

— Поэтому владельцев много.

Дай поднимает голову от гроба. В руках у него отвёртка и карточка с перечнем вещей.

— Телефон на беззвучный, если фотографируешь.

— Зачем?

— Люди будут звонить. Рука дёрнется.

Я выключаю звук.

Хауэлл наблюдает, как я это делаю.

— Вы всё ещё работаете в суде?

— Да.

— Стенографистом?

— Судебным стенографистом.

— Значит, точность осталась профессией.

— Она не возникает только на работе.

Мейри берёт чашку Хауэлла и относит на кухню, хотя он не просил. По дороге задевает блюдо на узком столе. Несколько монет сдвигаются к краю.

Я вижу их впервые.

На блюде лежат сложенные купюры, монеты и четыре маленьких конверта. На каждом фамилия: Моррис, Льюис, Дженкинс, Прайс. Почерк разный. У края стоит блокнот Дая, раскрытый на сегодняшней дате; возле фамилий он отметил суммы.

— Что это?

Мейри продолжает идти.

Дай отвечает, не отрываясь от карточки:

— За хлеб.

— Чей?

— Олуэн.

— Олуэн не может получить деньги.

— Они не ей.

В комнате становится тише. Из кухни слышны ложка по миске и открывающийся кран. Хауэлл остаётся у буфета, руки свободны.

Я беру один конверт за угол.

— Кому?

— Тому, кто съест за неё, — объясняет Дай.

Отпускаю конверт.

— Верните.

— Каждому?

— Всем.

— Люди сами принесли.

— Они принесли, пока меня не было.

— Поэтому записал владельцев.

Он переворачивает карточку у гроба. На обороте перечислены платье, бельё, часы, обручальное кольцо, которое Олуэн не носила много лет. Кольца на руках нет; оно лежит в маленькой коробке у изголовья.

— Деньги останутся отдельно до решения, — добавляет Дай.

— Решение уже приняли.

— Ты ещё ничего не ответила.

Я смотрю на крышку, прислонённую к стене.

— Закройте гроб.

Дай кладёт карточку на край буфета.

— Могу. Сначала спрошу про хлеб.

— Я ответила.

— Ты сказала про крышку.

— Это одно решение.

— Для меня два.

Он произносит это без нажима. У Дая всё разделено: перевозка, тело, крышка, хлеб, деньги. Люди входят в его работу только в той части, где требуется подпись.

Мейри возвращается из кухни.

— Олуэн не может уйти голодной.

— Она не уйдёт.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Знаю, во что вы верите.

— Ты выросла здесь.

— Поэтому знаю.

Хауэлл берёт трость, но не опирается на неё. Держит перед собой, обеими руками за рукоять.

— Никто не вправе заставить вас, Эйра.

Мейри поворачивается к нему.

— Гарет.

— Я говорю то, что должен сказать человек в моём положении.

— У вас нет положения.

— Тем полезнее.

Он смотрит на меня.

— Отказ возможен. Дай закроет крышку, семья проведёт службу, похороны состоятся.

Люди будут считать, что Олуэн ушла голодной. Других последствий я подтвердить не могу.

— Очень аккуратно.

— Я старался.

— Вы верите?

— Я видел достаточно смертей, чтобы не торопиться с тем, чего нельзя проверить.

Из кухни Гвен отвечает:

— Он всех нас проводил.

Фраза звучит привычно. Так говорят о человеке, который приезжал к родам, ночным приступам, последним вдохам и семейным кухням, где требовалось объяснить, что делать с телом до утра. Хауэлл не поправляет её.

— Олуэн тоже? — спрашиваю я.

— Сегодня утром я был рядом до приезда врача, — отвечает он.

— Это не мой вопрос.

— Другого ответа у меня нет.

Дай закрывает коробку с кольцом Олуэн и ставит у изголовья.

— Служба в следующий четверг. Хлеб — сегодня.

— Почему сегодня?

— Три дня считают от смерти. Держать гроб открытым до третьего без причины не стану.

Семья просит сейчас.

— Какая семья?

Мейри отвечает первой:

— Мы.

— Вы не семья.

Она выпрямляется.

— Я знала Олуэн пятьдесят лет.

— Это другое слово.

Гвен входит с миской теста и ставит её на стол возле денег. Тесто поднялось до края, поверхность натянута, в середине остаётся след от полотенца.

— Я семья настолько, насколько она мне позволяла, — произносит Гвен. — Мейри — настолько, насколько позволяла себе сама. Ты внучка. Дай отвечает за гроб. Этого хватит, чтобы не устраивать перепись родства у покойницы.

Она снимает полотенце с миски, присыпает стол мукой и выкладывает тесто. Ладони работают быстро: поворачивают мягкую массу, собирают край к середине, прижимают основанием кисти.

— Хлеб уже готовите, — замечаю я.

— Тесто было поставлено до твоего приезда.

— Значит, ответ не требовался.

Гвен поднимает глаза.

— Ответ нужен, чтобы ты ела. Хлеб нужен в любом случае. Людей кормить придётся.

Она делит тесто на две части. Большую возвращает в миску для поминального стола, меньшую округляет на доске.

— Эта часть для гроба?

— Для решения у гроба.

Слова точны. Я не нахожу, к чему придраться.

Телефон вибрирует в ладони, хотя звук выключен. Ниа Харт.

«Я закрыла твой завтрашний процесс. Секретарь знает про смерть. Позвони, когда сможешь произнести больше одного слова».

Я отвечаю: «Доехала. Дом полон».

Ниа пишет: «Тогда держись за предметы. Не за людей».

Совет принадлежит разговору, которого я не помню, или нашей обычной работе. Я сохраняю сообщение и убираю телефон.

Хауэлл замечает движение.

— Кардифф?

— Работа.

— Вы можете уехать сегодня, если хотите.

— Мои ключи у Дая.

Дай касается внутреннего кармана.

— Машину переставили. Ключи здесь.

— Верни.

Он смотрит на гроб, на открытую дверь передней, на людей, которые ещё войдут.

— Руки заняты. Отдам, когда закончу.

— Что именно?

— Всё, за что отвечаю.

Ответ можно прочесть как логистику. Помощники Дая уехали; ему самому предстоит выровнять гроб, подготовить крышку, записать деньги и забрать переносные ремни. Связка ключей в кармане не удерживает меня в доме: до дороги несколько шагов, телефон работает, автобусы существуют.

Я всё равно записываю: ключи переданы Даю для перемещения автомобиля; не возвращены на 16:08.

— Это уже лишнее, — произносит Мейри.

— Значит, не повредит.

Я иду на кухню.

Здесь всё осталось на местах, выбранных Олуэн. Сахарница у стены, чайные банки по росту, полотенца сложены в узком ящике. На подоконнике рядом с геранью лежат две таблетки: белая у стекла, розовая возле деревянной рамы. Между ними достаточно места для чашки.

Я останавливаюсь.

— Чьи таблетки?

Хауэлл отвечает из передней:

— Олуэн.

— Почему на окне?

Гвен оставляет тесто и подходит.

— Нашла в спальне на блюде. Принесла показать врачу.

— На каком блюде?

— Белом, с синей каймой. Оно в раковине.

— Кто высыпал?

— Я. Блюде нужно было помыть.

— Зачем мыть предмет из комнаты умершей до приезда врача?

Гвен вытирает руки о фартук.

— Потому что на нём был чайный круг, а я не знала, что ты превратишь кухню в место происшествия.

Хауэлл входит вслед за нами. Держится у двери, не приближаясь к подоконнику.

— Дежурный врач видел таблетки до того, как Гвен перенесла их?

— Я видел. Сделал фотографию на свой телефон и сообщил ему.

— Покажите.

Он достаёт аппарат из внутреннего кармана, находит снимок и поворачивает экран ко мне. На фотографии прикроватная тумбочка Олуэн. Белое блюдо с синей каймой, две таблетки, стакан воды, очки и закрытая книга в синей обложке. Время съёмки — 7:16.

— Отправьте мне исходный файл.

— Разумеется.

— Не через Мейри.

— Я умею пользоваться сообщениями самостоятельно.

На его губах появляется короткое движение, которое могло бы стать улыбкой, если бы он не остановил его раньше.

— Что это за таблетки?

— Белая — от давления. Розовая — обезболивающая. Олуэн принимала их утром.

— Сегодня не приняла?

— Так выглядит.

— Это могло стать причиной смерти?

— Один пропущенный приём обычно не объясняет смерть. У неё была сердечная недостаточность, возраст и несколько хронических состояний. Дежурный врач не увидел признаков, требующих передачи дела коронеру.

— А вы?

— Я увидел умершую женщину в собственной постели, без следов падения и борьбы. Моя оценка не является официальной.

Он снова выбирает слова так, чтобы каждое выдержало запись.

Я фотографирую таблетки на подоконнике, захватывая раму и герань. Отдельно снимаю каждую крупно, затем общий вид кухни. В заметках указываю путь: спальня — блюдце — Гвен — подоконник; исходная фотография у Хауэлла.

— Не трогать, — прошу я.

Гвен поднимает обе руки.

— До какого века?

— Пока не сохраню снимок Хауэлла и не запишу упаковки лекарств.

— Упаковки в верхнем шкафу, — сообщает Хауэлл. — Дежурный врач сверил названия.

— Вы открывали шкаф?

— При Гвен.

— Да, — подтверждает она. — Я стояла рядом и читала мелкий шрифт, потому что его очки остались в машине.

— Мои очки были в кармане.

— Значит, не хотел признавать, что я читаю быстрее.

Хауэлл не спорит.

Я возвращаюсь в переднюю. Олуэн лежит под окном, которое Гвен открыла на узкую щель. За стеклом видна каменная стена и крыша фургона Дая. На кресле возле гроба лежит серый кардиган; одну пуговицу с манжеты срезали, нитка оставлена торчать.

— Кто снял пуговицу?

Дай наклоняется к рукаву.

— Олуэн сама. Кардиган нашли в шкафу таким.

— Почему положили здесь?

— Мейри принесла. Считает, что надо отдать в гроб.

Мейри касается броши на груди.

— Она носила его каждый день.

— Сегодня на ней платье.

— Мёртвым кладут знакомую вещь.

— Она распорядилась?

— Нет.

— Тогда кардиган останется снаружи.

Мейри собирается возразить, но Дай уже переносит одежду на стул у стены.

— До решения семьи.

— Эйра только что объяснила, кто семья, — напоминает Гвен из кухни.

Дай не реагирует.

В дверь стучат. Первыми приходят Сиан и Бетан Льюис. Сиан несёт контейнер с супом, Бетан — маленький конверт. Они входят тихо, здороваются со мной и подходят к гробу. Бетан кладёт конверт на блюдо с деньгами. Дай записывает фамилию.

— Гетин просил передать, — объясняет она.

— Он жив, — отвечаю я.

— Поэтому и передал сам.

— За чей хлеб?

Бетан смотрит на Олуэн.

— За всех, кого она съела у нас.

Формулировка не вызывает смеха. Сиан ставит суп на кухне, возвращается и касается края гроба двумя пальцами.

— Она знала, что Эйра приедет?

— Она знала, что позовут, — отвечает Мейри.

— Я спрашиваю не тебя.

Мейри закрывает рот.

Бетан обращается ко мне:

— Олуэн говорила, что дом перейдёт тебе.

— Дом и хлеб — разные вещи.

— Конечно.

По её лицу видно, что различие она признаёт из вежливости. В деревне наследование редко ограничивается недвижимостью.

За ними приходят ещё люди. Не все входят в переднюю; кто-то оставляет еду у кухни, кто-то передаёт конверт Даю, другие стоят у гроба меньше минуты и уходят, не сказав мне ничего. На блюде появляются новые фамилии. Деньги не смешиваются с пожертвованием на часовню: Дай ведёт отдельную страницу, суммы закрывает ладонью, когда рядом проходит Мейри.

Я сажусь на нижнюю ступеньку лестницы и записываю входы. Время, имя, предмет. Не потому, что это дело. Потому что без записи дом начинает говорить голосом большинства.

Ффион звонит в половине шестого.

Я выхожу на крыльцо.

— Ты внутри? — спрашивает она.

— На ступеньке.

— Кто там?

— Дай, Гвен, Мейри, Хауэлл. Люди приходят с деньгами.

— Деньгами?

— Тому, кто съест за Олуэн.

Ффион молчит несколько секунд.

— Ты согласилась?

— Нет.

— Отказалась?

— Попросила закрыть гроб. Дай разделит решения.

— Удобно.

— Точно.

— Ключи у тебя?

Я смотрю через окно. Дай стоит возле блюда, его куртка висит на спинке стула. Связка может находиться во внутреннем кармане.

— У него.

— Почему?

— Переставлял машину.

— Эйра.

— Я могу выйти пешком.

— Я не про побег. Я про то, что ты должна замечать, когда люди оставляют тебе формальный выбор и забирают все удобные движения вокруг него.

На дороге останавливается машина. Из неё выходят пожилая женщина и мужчина с круглой коробкой для торта.

— Я замечаю.

— Я еду.

— Из Овестри?

— После закрытия аптеки.

— Это несколько часов.

— Значит, не начинай без меня.

— Я ничего не обещала.

— Обещай это.

Я смотрю на дом. В передней люди занимают места вдоль стен, гроб остаётся открытым, крышка стоит у фотографии Бранвен. Гвен уже придала маленькому хлебу круглую форму и положила под ткань у радиатора.

— Дай считает срок от смерти, — объясняю я. — Они хотят сегодня.

— Они могут хотеть на безопасном расстоянии от твоего рта.

— Ффион.

— Что?

— Я позвоню до решения.

— Не после.

— До.

Она принимает.

Когда возвращаюсь, Хауэлл стоит возле фотографии Бранвен. Снимок поставили лицом в комнату; мать смотрит чуть левее камеры, на плече ремень рабочей сумки. Хауэлл не касается рамки.

— Вы её помните? — спрашиваю я.

— Да.

— Хорошо?

— Врач запоминает людей выборочно. Бранвен задавала вопросы, которые заставляли перечитывать записи.

— Какие записи?

— Лекарства, вызовы, время посещений. Она была хорошей районной медсестрой.

— Вы работали вместе в день её смерти?

Он переводит взгляд на меня.

— Сейчас похороны Олуэн.

— Это не ответ.

— В день смерти вашей матери я был в приёмной. Давал показания коронеру. Материалы доступны семье.

Мейри зовёт его к двери: пришла женщина, которой тяжело подниматься по ступеням. Хауэлл отходит, оставив фотографию Бранвен на подоконнике.

Я записываю его формулировку дословно.

В день смерти вашей матери я был в приёмной.

Не «весь день». Не «во время смерти». Приёмная — место, не время. Судебная работа учит слушать размер утверждения; люди охотно дают широкий ответ узкими словами.

Гвен выносит из кухни чай. Чашки разные, блюдца не совпадают. Одну ставит возле меня.

— Пей.

— Не хочу.

— Это не вопрос.

Я беру чашку. На поверхности чая отражается окно, за которым начинает темнеть.

— Ты знала, что они принесут деньги? — спрашиваю я.

— Знала.

— Почему не предупредила?

— Ты бы ехала медленнее.

— Я всё равно приехала.

— Вот именно.

— Ты хочешь, чтобы я ела?

Гвен садится рядом на ступеньку. Фартук покрыт мукой, на предплечье след от края миски.

— Я хочу, чтобы Олуэн не оставили за дверью её собственного обычая.

— Это не ответ про меня.

— Про тебя я не знаю, чего хотеть. Ты ребёнком видела слишком много дверей, которые закрывали перед хлебом. Взрослой стала уезжать до того, как их открывали.

— Значит, могу уехать сейчас.

— Можешь.

Она смотрит в переднюю.

— Люди всё равно будут говорить.

— Люди говорят при любом результате.

— Да. Поэтому выбирай не их.

Гвен встаёт и уносит пустой поднос в кухню. Это первый человек в доме, который не предлагает мне правильного решения. От этого её слова тяжелее.

К семи входная дверь закрывается. Дай считает деньги при мне, не называя общую сумму вслух; каждую купюру возвращает в подписанный конверт, конверты складывает в жестяную коробку. Я прошу отдать их семьям. Он отвечает, что вернёт после моего отказа, когда отказ будет произнесён перед свидетелями.

— Почему перед свидетелями?

— Чтобы завтра никто не сказал, что я закрыл гроб раньше твоего ответа.

— Ты защищаешь себя.

— Всегда.

Он переносит коробку на верхнюю полку буфета. Ключ от неё висит у него на поясе.

Мейри расставляет стулья. Сиан помогает Гвен на кухне. Бетан ушла к отцу, однако её конверт остался на блюде до пересчёта. Хауэлл сидит у стены, трость между коленями, и беседует с пожилым мужчиной, который пришёл последним. Их голоса не слышны целиком; мужчина держит Хауэлла за рукав и несколько раз повторяет имя своей жены.

Олуэн лежит в центре дома, где при жизни никогда не позволяла людям переставлять мебель без её участия.

Я поднимаюсь наверх.

Её спальня открыта. Постель снята до матраса; бельё Гвен сложила в корзину, одеяло висит на спинке стула. На тумбочке остался светлый круг от блюда, синяя книга и очки.

Книга называется «Списки прихода Лланголвена, 1908–1946». Между страниц вложена записка, но я не вынимаю её. Сначала фотографирую обложку, положение очков и светлый круг на дереве. Записка видна только краем.

Шкаф с лекарствами закрыт. На ручке нет ключа; замок простой, деревянный. Я открываю ящик тумбочки. Внутри носовые платки, батарейки для слухового аппарата и моток серой нити. Ни одной тетради.

Из коридора видна моя старая комната. Дверь распахнута, на кровати лежит сумка из Кардиффа, которую кто-то поднял из машины. Значит, Дай или его помощник открывал багажник моими ключами. Я не давала разрешения.

Спускаюсь.

— Кто принёс сумку?

Дай поднимает глаза.

— Я.

— Ты открыл багажник.

— Ключ был у меня.

— Это не разрешение.

Он принимает замечание без оправдания.

— Сумку оставить в машине?

— Надо было спросить.

— Да.

Одно слово. Никакой защиты. От этого злость не получает поверхности.

— Верни ключи.

Дай снимает куртку со спинки стула и проверяет внутренний карман. Связка звякает в руке. Он смотрит на часы.

— Через несколько минут.

— Почему не сейчас?

— Хлеб подошёл.

Гвен входит с круглым караваем на деревянной доске. Корка светлая, в середине неглубокий надрез. Рядом на подносе стоит соль в маленькой стеклянной банке и пустое блюдо.

Ффион ещё в дороге.

— Я обещала позвонить до решения.

— Звони, — разрешает Дай.

— Мне не требуется разрешение.

— Тогда звони.

Я набираю Ффион. Она отвечает через громкую связь автомобиля; слышны указатель поворота и навигатор, называющий расстояние до Лланфиллина.

— Они начинают, — сообщаю я.

— Я в сорока минутах.

— Дай спрашивает сейчас.

— Попроси подождать.

Я смотрю на него.

— Сорок минут.

— Хлеб остынет, — отвечает Гвен.

Ффион слышит.

— Гвен, мёртвые не оценивают температуру корки.

— Живые оценивают.

— Тогда дайте Эйре поесть его завтра за завтраком, если ей захочется.

Мейри подходит к телефону.

— Обряд не назначают по рабочему расписанию аптеки.

— И человека не назначают на обряд по расписанию часовни.

— Ффион, вас здесь нет.

— Поэтому говорите громче.

Дай протягивает руку.

— Телефон оставь включённым. Свидетелем будет и так.

Я кладу аппарат на подоконник возле фотографии Бранвен. Ффион остаётся на линии.

Стулья отодвигают к стенам. Дай переносит деревянную доску к гробу, однако хлеб пока не кладёт. Мейри встаёт у изголовья, Гвен — возле кухни. Сиан остаётся у двери, Хауэлл выбирает место у буфета, откуда видны мои руки и лицо Олуэн.

— Что именно я должна сделать? — спрашиваю я.

Дай отвечает по порядку:

— Хлеб кладут на крышку или на доску над открытым гробом. Соль справа. Берёшь двумя руками, ешь до конца. После этого крышку закрываю.

— Что я ем?

Мейри произносит:

— Её грехи.

— Я спрашиваю Дая.

Он смотрит на хлеб.

— То, что семья считает её грехами.

— А ты?

— Я отвечаю за действие.

— Если откажусь?

— Уберу хлеб. Закрою крышку. Деньги верну по фамилиям.

— И Олуэн уйдёт голодной, — добавляет Мейри.

— Это ваша формулировка.

— Это наш обычай.

Хауэлл говорит со своего места:

— Результат отказа существует только в вере присутствующих.

— Вы повторяете это так, чтобы любая сторона могла считать вас своим.

— Привычка врача.

— Удобная.

— Часто.

Ффион через телефон спрашивает:

— Эйра, ключи где?

Дай держит их в руке. Связка лежит на его ладони, брелок суда свисает между пальцами.

— У него.

— Положи на стол, Дай.

Он смотрит на телефон, затем на меня.

— После хлеба или отказа.

— Вот теперь это давление, — произносит Ффион.

— Это порядок, — отвечает он. — Я не дам ей уехать в середине, оставив открытый гроб и людей в доме.

— Машина принадлежит ей.

— Ключи верну при любом ответе.

Я подхожу и забираю связку из его ладони.

Дай не удерживает.

Ключи оказываются у меня. Значит, клетка существовала лишь до проверки. Я кладу их на подоконник рядом с телефоном, чтобы Ффион услышала металл.

— Теперь спрашивай.

Дай берёт хлеб с доски. Отрезать ничего не требуется: маленький каравай испечён для одного человека. Он ставит доску поперёк открытого гроба, ниже сложенных рук Олуэн. Дерево опирается на края и не касается ткани.

Мейри открывает банку. Дай забирает её, насыпает соль в блюдо и ставит справа.

Я смотрю на Олуэн.

В доме нет ни одного предмета, который объяснял бы, почему именно я. Есть родство, ожидание и деньги, принесённые до ответа. Есть бабушка, которая много лет ела за чужих мёртвых и не оставила мне прямого распоряжения. Есть люди, уверенные, что кровь заменяет согласие.

На синей книге в спальне лежит записка. На полках могут быть тетради. Бранвен умерла, когда мне было пять. Олуэн прожила ещё двадцать восемь лет среди вещей, которые не объясняла.

Ффион зовёт меня по имени из телефона.

Я не отвечаю ей. Дай кладёт хлеб на доску. Соль ставит справа.

Глава 2. Соль справа

Хлеб лежит поперёк открытого гроба, ниже сложенных рук Олуэн.

Маленький каравай помещается на доске целиком; Гвен сделала надрез в середине, и корка разошлась тонкой светлой линией. Справа стоит блюдо с солью. Слева ничего нет. Дай выbral положение сам, проверил, не касается ли доска белой ткани, и отступил на шаг.

Мои ключи лежат на подоконнике возле телефона. Ффион остаётся на связи; из динамика слышны дорога, указатель поворота и её дыхание, когда машина входит в очередной подъём. До Лланголвена ей больше получаса.

— Спрашивай, — произношу я.

Дай смотрит на часы.

— Берёшь хлеб за Олуэн Причард?

Мейри стоит у изголовья, обе руки держит на спинке стула. Гвен остаётся возле кухонной двери, фартук присыпан мукой до кармана. Хауэлл сидит у стены, трость поставил между коленями; лицо обращено ко мне, взгляд удерживает расстояние от рта до хлеба.

— Что значит «за»?

— Семья кладёт на мёртвого его грехи, — отвечает Мейри. — Ты принимаешь их, чтобы он ушёл чистым.

— Я спрашиваю Дая.

Он не торопится.

— Берёшь хлеб. Ешь до конца. Я закрываю крышку.

— Что изменится?

— В моей работе — гроб.

— В Олуэн?

— Этого я не знаю.

— Во мне?

Дай переводит взгляд на Хауэлла.

— Я тоже не знаю, — отвечает тот. — Если почувствуете слабость, тошноту или потерю ориентации, я останусь рядом. Медицинская причина для обряда отсутствует. Медицинского запрета тоже нет, если хлеб обычный и у вас нет аллергии.

— Очень полезно.

— Я стараюсь не выдавать веру за заключение.

Мейри сжимает спинку стула.

— Олуэн делала это всю жизнь.

— Олуэн выбрала сама?

Никто не отвечает сразу.

Гвен обтирает ладони о фартук.

— Первый раз — не знаю. В остальные могла отказаться.

— Отказывалась?

— При мне нет.

— Значит, не могла.

— Значит, не отказалась.

Гвен не защищает обычай. Она защищает точность собственного свидетельства.

Ффион говорит из телефона:

— Эйра, ты можешь выйти. Ключи у тебя.

Я смотрю на связку возле экрана. Дай вернул её, когда я потребовала. Калитка открыта, моя машина стоит вдоль стены, сумка наверху. Никто не удерживает дверь.

Олуэн лежит в гробу с чужим выражением лица. На платье нижняя пуговица темнее остальных. Возле изголовья закрытая коробка с кольцом, которое она не носила много лет. На блюде у буфета деньги людей, уже оплативших действие, на которое я ещё не согласилась.

Если уйти, Дай закроет крышку. Служба состоится. Мейри получит историю о внучке, бросившей бабушку голодной. Гвен вернёт хлеб на кухню или отдаст людям. Хауэлл уедет на своём «Вольво». Дом останется мне вместе с тетрадями, синей книгой и двумя таблетками на подоконнике.

Я всё равно войду в комнаты Олуэн.

— Беру, — отвечаю я.

Ффион произносит моё имя. Мейри выпускает спинку стула и опускает руки. Дай не меняется в лице; только открывает стеклянную банку и подвигает блюдце ближе к доске.

— Двумя руками.

Я подхожу к гробу.

Хлеб весит больше, чем выглядит. Нижняя корка ещё хранит тепло, середина остыла. Я беру каравай ладонями снизу, поднимаю с доски и жду инструкции.

— Соль, — напоминает Дай.

— Сколько?

— Сколько возьмёшь.

Я отламываю край. Корка ломается с сухим звуком, крошки падают на доску и белую ткань у ног Олуэн. Мейри наклоняется, собираясь смахнуть их, но Дай поднимает ладонь.

— До крышки ничего не трогаем.

Я касаюсь хлебом соли. Несколько кристаллов удерживаются на мякише, часть падает обратно в блюдце.

Первый кусок сухой. Соль остаётся на языке, корка царапает нёбо. Я жую, глядя на руки Олуэн, потому что лица в поле зрения слишком много.

Ничего не происходит.

Второй кусок больше. Гвен поставила на буфет стакан воды, но Дай не разрешает пить до конца обряда. В его правилах хлеб должен быть съеден одним действием; воду можно дать, если человек подавится. Я записала бы это, если бы руки были свободны.

— Медленнее, — просит Ффион.

— Она ест нормально, — отвечает Хауэлл.

— Я говорю с ней.

Он принимает границу движением головы.

Третий кусок проходит тяжелее. Мякиш собирается во рту плотной массой; приходится удерживать его языком, пока дыхание идёт через нос. Я считаю движения челюсти, но сбиваюсь на девятом и начинаю заново. В доме слышно, как закипает чайник. Гвен не уходит к плите.

Мейри смотрит на хлеб с ожиданием, в котором нет любопытства. Она знает, что должно произойти, и заранее согласилась со своей версией.

— Что чувствуется? — спрашивает она.

Дай поворачивается к ней.

— До конца не спрашивают.

— Кто установил?

— Олуэн.

Это первое её распоряжение, произнесённое в комнате после смерти.

Я доедаю половину караваия. На срезе видны крупные поры, у корки осталась мука. Хлеб обычный. Гвен печёт такой к супу, только делает крупнее и не кладёт рядом мёртвого.

Телефон на подоконнике гасит экран. Голос Ффион остаётся.

— Я здесь.

Я киваю, хотя она не видит.

Следующий кусок приносит холод в ладони.

Не в комнате. Дерево под ногами остаётся тёплым от отопления, хлеб не меняет температуры. Холод существует внутри прикосновения: возле большого пальца, где корка давит на кожу, появляется тяжесть, связанная с чем-то, чему нет названия. Я меняю хват. Тяжесть перемещается вместе с хлебом.

Слева от груди Олуэн возникает второе давление. В районе коробки с кольцом.

У буфета — третье, слабее, возле блюда с конвертами.

Я перестаю жевать.

— Эйра? — Ффион слышит паузу.

— Всё в порядке.

Хауэлл встаёт.

— Посмотрите на меня.

Я не выполняю.

— Зачем?

— Проверю ориентацию.

— Я знаю, где нахожусь.

— Назовите.

— Дом Олуэн. Передняя. Открытый гроб.

— Дата?

Я называю. Голос работает, слова выходят в нужном порядке.

Он остаётся стоять, но ближе не подходит.

— Продолжать можете?

Вопрос адресован мне, а не обряду.

— Да.

Я откусываю снова.

Давление разрастается. Оно не превращается в сцену, голос или образ; некоторые предметы в комнате начинают требовать внимания. Коробка с кольцом. Конверт Прайсов на блюде. Тёмная пуговица на платье Олуэн. Серый кардиган у стены. В каждом есть закрытое место, и я знаю о его существовании без знания содержания.

Я закрываю глаза на один вдох.

За веками остаётся то же распределение: хлеб в руках, соль справа, Олуэн ниже. Закрытые места не исчезают.

— Открой глаза, — просит Ффион.

Я открываю.

— Четыре предмета, — продолжает она.

— Хлеб. Блюдец. Телефон. Коробка у изголовья.

— Хорошо.

Мейри смотрит на телефон.

— Она всегда так с тобой разговаривает?

— Когда люди вокруг забывают, что человек важнее обычая, — отвечает Ффион.

Гвен выключает чайник. Дай проверяет часы.

Я ем дальше.

Последний кусок корки остаётся у большого пальца. На доске лежат крошки, в блюде соли стало меньше. Глотать трудно из-за сухости; Хауэлл берёт стакан и держит наготове, не подавая.

— До конца, — напоминает Дай.

Я кладу в рот последний кусок.

На мгновение комната становится слишком подробной. Я вижу заусенец на деревянной ручке гроба, трещину у края блюда, нитку на рукаве Мейри, белый след от чашки на буфете.

Закрытые места внутри предметов собираются в один порядок. Их много. Больше, чем вещей перед глазами.

Это не память.

Это знание о наличии памяти.

Я глотаю.

Дай ждёт, пока рот освободится.

— Всё?

Я показываю пустые ладони.

Он берёт доску, пересыпает крошки на сложенный бумажный лист и передаёт Гвен. Блюдце с солью остаётся у гроба.

Хауэлл подаёт воду. стакан находится в его правой руке, пальцы держат середину, не закрывая край. Я пью. Вода смывает соль, но давление возле коробки и конвертов остаётся.

— Голова? — спрашивает он.

— На месте.

— Тошнота?

— Нет.

— Зрение?

— Вы всё ещё стоите у гроба.

— Этого достаточно.

Он возвращает стакан на буфет, на виду, далеко от лампы.

Дай просит отвернуться.

Я поворачиваюсь к лестнице. Ффион остаётся на связи. За спиной крышку поднимают двое: Дай и мужчина, вернувшийся из фургона. Дерево проходит над краями гроба, ложится в паз. Металл входит в подготовленные отверстия.

Мейри начинает читать молитву раньше пастора. Гвен не присоединяется. Хауэлл тоже молчит.

Последний винт затягивают у изголовья.

Дай касается моего плеча.

Когда я оборачиваюсь, Олуэн уже находится под крышкой. На дереве осталась одна крошка возле правой ручки. Дай снимает её пальцем, кладёт на бумагу к остальным и складывает лист вчетверо.

— Зачем сохраняешь?

— До похорон.

— Что с ними делают?

— Гвен решит.

— Олуэн решала?

— Иногда сжигала. Иногда отдавала птицам.

Гвен забирает бумажный свёрток.

— Сегодня оставляю в шкафу.

— Почему?

— Потому что ты ещё стоишь.

Ответ мне не понятен, но она уже уходит на кухню.

Мейри подходит первой.

— Теперь дом признает тебя.

— Дом ничего не подписывал.

— У тебя всегда всё должно быть на бумаге.

— Бумага хотя бы сообщает, кто написал.

Она смотрит на крышку.

— Ты почувствовала?

— Хлеб был сухим.

— Это не ответ.

— Другого не будет.

Мейри отходит к входной двери, где уже ждут люди, не присутствовавшие при обряде. Ей нужно сообщить результат. Через минуту в прихожей шёпотом произносят: съела.

Слово проходит быстрее денег.

Дай снимает крышку с жестяной коробки, достаёт конверты по одному и переносит суммы в отдельный журнал. Возле каждой фамилии ставит сегодняшнюю дату и короткую отметку.

— Вернёшь деньги? — спрашиваю я.

— Ты приняла хлеб.

— Я не принимала оплату.

— Поэтому деньги пока у меня.

— Кому они предназначены?

— Тому, кто несёт работу Олуэн.

— Я не согласилась на работу.

— Запишу.

Он делает ещё одну пометку.

— Что именно?

— Хлеб принят. Оплата не принята. Решение о деньгах отложено.

Слово «отложено» мне не нравится, но оно точное.

— Ключи, — напоминаю я.

Дай достаёт связку и кладёт на край буфета.

— Багажник открывал. Сумку принёс наверх. Ты уже знаешь.

— Знаю.

— Больше без разрешения не полезу.

— Запомни.

— Запишу, если нужно.

Он открывает журнал на свободной строке. Я качаю головой.

— Запомни сам.

Дай закрывает книгу.

Люди начинают входить в переднюю. Закрытая крышка делает их смелее: теперь можно приблизиться, коснуться дерева, положить ладонь на ручку и говорить о покойнице в прошедшем времени. Бетан Льюис стоит у изголовья, Сиан держит контейнер с супом, пожилой мужчина спрашивает Хауэлла о времени службы. Мейри распределяет стулья. Комната возвращается деревне.

Я ухожу на кухню.

Гвен накрыла маленький хлебный свёрток блюдцем и поставила в верхний шкаф. На столе лежат нож, остаток теста и льняная салфетка с вышитыми буквами N.T. Красная нить местами выцвела, один угол зашит мелкими стежками.

— Чья? — спрашиваю я.

— Несты Томас. Олуэн использовала её для соли.

— Неста умерла?

— Девять лет назад. Ты была на похоронах.

Я не помню похорон Несты, но это ничего не доказывает: девять лет назад я приезжала на два дня и уехала до поминального стола.

Гвен встряхивает салфетку над раковиной. Из зашитого угла выпадает монета и ударяется о металлический край, затем катится по столу. Старая, тёмная, с женским профилем на одной стороне.

Монета останавливается возле моей руки.

Закрытое место внутри неё сильнее остальных.

Я отдёргиваю пальцы.

Гвен замечает.

— Что?

— Она была в салфетке.

— Вижу.

— Почему угол зашит?

— Неста любила чинить вещи так, чтобы никто не открывал. Олуэн получила салфетки после её смерти. Дочь принесла коробку на часовню.

Гвен берёт нож, собираясь подвинуть монету плоской стороной.

— Не трогай.

Она оставляет нож.

— Эйра?

Из передней доносится голос Хауэлла. Я не отвечаю.

Монета лежит на столе. Закрытое место удерживает внимание с такой силой, что все остальные предметы отступают: нож, тесто, салфетка, чашка возле раковины. Я знаю, что прикосновение откроет его. Никто не объяснял, как. Уверенность пришла вместе с хлебом Олуэн.

— Ффион, — зову я к телефону, оставленному на подоконнике.

Она отвечает сразу:

— Я слышу.

— Здесь монета.

— Отлично. Не трогай до моего приезда.

— Я знаю, что произойдёт.

— Откуда?

— Не знаю.

Гвен стоит у противоположного края стола, руки держит на фартуке.

— Сколько тебе ехать? — спрашиваю я.

— Двадцать восемь минут. Сиди в другой комнате.

Я могу выполнить просьбу. Монета останется на столе, Гвен накроет её стаканом, Дай будет свидетелем. В доме есть закрытый гроб, люди и Хауэлл, способный осмотреть меня, если станет плохо.

Я протягиваю руку.

— Эйра, — голос Ффион становится жёстче.

Большой палец касается края монеты.

Память открывается без перехода.

Я считала пожертвования после воскресной службы. Монеты лежали на столе часовни, купюры — в конвертах. Дилис записывала суммы в книгу.

Я взяла две монеты по два шиллинга и положила под салфетку. Дилис спросила итог. Я назвала сумму на четыре шиллинга меньше.

Она пересчитала. Я сказала, что двое мальчиков брали блюдо и могли уронить деньги возле скамьи.

Вечером я купила сахар, апельсины и мыло. Сдачу завернула в угол салфетки. Дома зашила край красной нитью.

Через неделю нашла одну монету внутри. Не достала.

Гвен держит меня за запястье.

Кухня возвращается вместе с её пальцами. Монета всё ещё под большим пальцем, салфетка лежит рядом, красные стежки совпадают с фрагментом.

— Отпусти предмет, — просит Ффион из телефона.

Я убираю руку.

— Что произошло? — спрашивает Гвен.

Ответ существует целиком. Неста украла пожертвования, солгала Дилис, купила сахар, апельсины и мыло. Я открываю рот.

— Я увидела...

Дальше намерение упирается в закрытое место. Я не заставляю речь продолжаться. Это ещё не страх и не потеря слова. Содержание удерживается там, где возникло.

— Что? — Гвен наклоняется ближе.

— Не могу сейчас.

Фраза проходит.

Хауэлл появляется в кухонной двери. За ним Дай. Люди в передней продолжают разговаривать; Мейри просит кого-то не ставить сумку на крышку гроба.

— Сядьте, — говорит Хауэлл.

— Я стою нормально.

— Тогда назовите место.

— Кухня Олуэн.

— Дату.

Называю.

— Кто рядом?

— Гвен. Вы. Дай. Ффион в телефоне.

— Что держали?

Я смотрю на монету.

— Монету из салфетки Несты Томас.

Все ответы разрешены предметами и живыми свидетелями.

Хауэлл подходит к столу, не касаясь меня. Смотрит на зрачки, просит проследить за пальцем. Я выполняю. Движение глаз не вызывает тошноты.

— Слабость?

— Нет.

— Провал времени?

Я проверяю часы. С момента прикосновения прошло меньше минуты.

— Нет.

— Воспоминание?

Ффион вмешивается:

— Не спрашивайте содержание.

Хауэлл поворачивает голову к телефону.

— Я спросил о форме.

— Она сама разберётся с формой.

— Если это неврологический эпизод, описание важно.

— Запишите предметы и время. Содержание оставьте ей.

Он принимает ограничение, хотя право устанавливать его Ффион получила только через динамик.

— Было чужое событие? — спрашивает он.

Я могу ответить без деталей.

— Да.

— От первого лица?

— Да.

— Вы знали участника до прикосновения?

— Имя знала от Гвен.

— Само событие?

— Нет.
Дай смотрит на салфетку.
— Олуэн ела за Несту.
— На её похоронах? — спрашиваю я.
— Да.
— Монета была у Олуэн всё это время?
— Салфетка была. Про монету не знал.
— Значит, хлеб передал мне то, что Олуэн получила от Несты.
Слова можно произнести как гипотезу. Они не раскрывают кражу.
Хауэлл опускает взгляд на закрытый гроб в передней.
— Или вы знали историю раньше и забыли источник.
— Знали её? — обращаюсь к Гвен.
— Про деньги — нет. Неста была скупа, но это не преступление.
— Вы слышали что-нибудь? — спрашивает Хауэлл Дая.
— Нет.
— Тогда остаются несколько объяснений.
— Назовите.
— Стресс, внушение, фрагмент собственной памяти, совпадение с предметом, неврологическое нарушение. Ваше объяснение тоже останется, если появится внешнее подтверждение.
Он перечисляет спокойно, не стараясь выбрать за меня.
— Красная нить и монета уже совпадают.
— Совпадает предмет. Содержание знаем только со слов вашего опыта, которого вы сейчас не сообщаете.
Он прав. От этого мне легче не становится.
Ффион говорит:
— Уберите монету в пакет. Не мойте и не отдавайте никому.
Гвен достаёт из ящика пакет для продуктов.
— Прозрачный, новый, — уточняет Ффион. — Сначала сфотографируйте на столе.
Дай снимает телефон, фотографирует монету, салфетку, расстояние между ними и общий вид кухни. Я диктую время прикосновения. Гвен пишет на пакете дату и своё имя как человека, который вытряхнул монету.
— Это уже протокол, — замечает Хауэлл.
— Теперь да.
Он не улыбается.
Мейри зовёт его из передней. Хауэлл уходит к людям, Дай возвращается к гробу. Гвен остаётся со мной и телефоном Ффион.
— Сядь, — просит она уже своим голосом.
Я сажусь.
Закрытые места в комнате не исчезли. Серый кардиган у стены, коробка с кольцом, конверты на верхней полке. Теперь я понимаю различие: монета была не просто тяжёлой. Она имела вход.
— Что это было? — спрашивает Гвен.
— Чужая память.
— Несты?
Я не отвечаю. Имя в вопросе и предмет позволяют кивнуть? Намерение подтвердить содержание может оказаться передачей. Я оставляю голову неподвижной.
Гвен замечает и не повторяет.
— Хорошо. Сиди.

Она подвигает чашку воды. Я пью, глядя на прозрачный пакет, где монета лежит отдельно от салфетки.

Через двадцать минут приезжает Ффион.

Она входит без стука, бросает ключи от машины на подоконник и сначала смотрит на меня, затем на пакет. Красное пальто не сняла, волосы выбились из резинки, на щеке след от ремня безопасности.

— Четыре предмета.

Я называю стол, салфетку, её ключи и стеклянную банку с солью.

— Где мы?

— На кухне Олуэн.

— Что было?

— Я коснулась монеты.

— Что изменилось?

Я проверяю известные части собственной жизни.

Имя. Работа. Кардифф. Суд. Квартира. Ффион. Бранвен. Олуэн.

Всё доступно, пока вопросы широкие.

— Не знаю.

Ффион садится напротив и достаёт телефон.

— Начинаем с дома в Кардиффе. Входная дверь?

Я вижу тёмно-синюю дверь с номером, латунную щель для писем и две царапины у замка.

— Есть.

— Что за ней?

Ответ должен быть простым.

Я знаю, что за дверью квартира. Знаю план по договору аренды: прихожая, кухня слева, гостиная дальше, спальня у двора. Могу вспомнить кухню, где чайник стоит возле окна, гостиную с рабочим столом и спальню с узким шкафом.

Между входной дверью и этими комнатами ничего нет.

— Эйра?

— Прихожая отсутствует.

Ффион не задаёт следующий вопрос сразу.

— Ты знаешь, что она была?

— По плану. По ключам. По тому, что дверь не ведёт прямо в кухню.

— Воспоминание?

Я пытаюсь войти в квартиру с сумками после работы. Дверь открывается. Следующий кадр начинается у чайника. Снимаю пальто — неизвестно где. Ставлю туфли — неизвестно куда. Стены, зеркало, светильник и коврик не приходят.

— Нет.

Ффион открывает фотографии на моём телефоне. Находит снимок, сделанный при переезде: коробки стоят в узком коридоре, на стене висит зеркало, у двери тёмный коврик. Я узнаю предметы как сведения. Пространство не возвращается.

— Это цена? — спрашивает Гвен.

Ффион не отвечает за меня.

Я смотрю на пакет с монетой.

Чужая мелкая кража заняла несколько секунд. Моя прихожая исчезла целиком.

— Возможно.

— Что ещё? — спрашивает Ффион.

— Не знаю.

— Проверь людей.

Я называю Нию, Бранвен, Олуэн, коллег из суда. Имена доступны. Лица — там, где были. Проверяю поездки, квартиры, школу, первое слушание. Пропуски есть, как у любого человека, однако один из них может быть новым и не иметь края.

— Нельзя найти отсутствие, если не знаешь, что спросить, — произношу я.

Ффион кладёт телефон между нами.

— Значит, записываем известное. Остальное обнаружится через внешний мир.

Она открывает пустую заметку.

— Прихожая в Кардиффе. Когда обнаружено?

Я называю время.

— После чего?

— Прикосновение к монете из салфетки Несты.

— Что сохранилось?

— План квартиры, фотография, знание о существовании.

— Что исчезло?

— Само пространство. Движение через него. Всё, что делала там.

Ффион печатает медленно, читая каждую строку вслух. Гвен стоит у раковины и слушает. В передней люди прощаются с Олуэн, закрытая крышка принимает ладони и цветы. Хауэлл больше не входит на кухню.

Когда запись закончена, Ффион просит бумагу. Я нахожу школьную тетрадь в ящике Олуэн, вырываю чистый лист и переписываю сведения рукой. Пишу свободно. Ни одно слово не заменяется.

Ффион складывает лист и кладёт в прозрачный файл.

— Это будет реестр.

— Одной прихожей?

— Начнём с того, что нашли.

Я смотрю на пакет с монетой.

— Чужое тоже надо записывать.

— Сможешь?

Я беру ручку и пытаюсь написать содержание фрагмента.

Намерение останавливается до движения. Рука лежит на бумаге, слово не начинается. Я меняю задачу.

Пишу: монета; салфетка N.T.; чужое событие от первого лица; содержание недоступно для передачи.

Эта запись проходит.

— Значит, отдельно, — решает Ффион. — Своё и чужое.

Гвен достаёт из шкафа старую папку с завязками. Внутри счета за электричество, квитанции часовни и несколько пустых прозрачных карманов. Она вытряхивает бумаги на стол.

— Счета переживут без папки.

Ффион вставляет лист о прихожей в первый карман. Запись о монете — во второй. Между ними оставляет пустой.

— Зачем? — спрашиваю я.

— Для того, что уже исчезло и ещё не обнаружено.

Я хочу возразить, но пустой карман точнее любой формулировки.

В передней Дай зовёт нас. Люди разошлись, остались Мейри, Сиан и Хауэлл. Гроб готов к выносу утром; на крышке лежит программа службы, деньги заперты в жестяной коробке.

Дай показывает нижнюю пуговицу на платье Олуэн, которую я заметила раньше.

— Эта не родная. Запасную пришили перед укладкой.

— Где прежняя?

— На платье её не было. Вещи из шкафа перебирала Мейри.

Мейри сразу отвечает:

— Пуговицы Олуэн хранила в нижнем ящике комода. Там целая банка.

— Принеси, — прошу я.

— Сейчас?

— Сейчас.

Она уходит наверх с выражением человека, которого отправили выполнять чужую прихоть в доме, где она уже распределила обязанности.

Ффион встаёт рядом со мной. Хауэлл смотрит на папку с прозрачными карманами у неё в руках.

— Нашли потерю?

— Да, — отвечаю я.

— Какую?

— Личную.

— Связанную с эпизодом?

— Вероятно.

— Стоит обратиться к врачу.

— Вы уже здесь.

— К врачу, который не является частью вашего семейного обычая.

Он произносит это спокойно. Совет разумен, и именно поэтому от него трудно отмахнуться.

— Сначала зафиксирую.

— Хорошо.

Мейри возвращается с жестяной банкой из-под чая. Внутри десятки пуговиц: тёмные, светлые, костяные, металлические. Несколько связаны короткими нитями, на двух остались куски ткани.

Когда крышка открывается, закрытые места вспыхивают сразу в нескольких предметах.

Я отступаю.

— Закрой.

Мейри держит банку в руках.

— Ты сама просила.

— Закрой.

Ффион забирает крышку со стола и накрывает банку, не касаясь пуговиц. Давление уменьшается, но не исчезает полностью.

— Здесь тоже? — спрашивает она.

— Да.

Дай смотрит на жестяную коробку дольше остальных.

— У Олуэн была ещё нить.

— Какая?

— Пуговицы на длинной серой нитке. Хранила отдельно.

— Где?

— Не знаю. В последние годы не видел.

Мейри прижимает банку к животу.

— Это швейные вещи.

— Может быть, — отвечает Дай.

Он не предлагает искать. Хауэлл тоже молчит, однако взгляд переходит с банки на мою папку и задерживается на пустом прозрачном кармане.

Я забираю банку у Мейри, не открывая, и ставлю в нижний шкаф буфета. Ффион фотографирует место до закрытия дверцы.

— Остальное завтра, — решает она.

— Утром гроб увезут.
— Гроб уже закрыт. Дом останется.
Дай смотрит на часы.
— Я вернусь в восемь.
Хауэлл берёт трость.
— Я зайду после дежурного врача, если понадобится.
— Не понадобится, — отвечает Ффион.
— Решать Эйре.
— Тогда спросите её.
Он обращается ко мне:
— Нужен мой визит?
— Нет.
— Хорошо.

Мейри надевает пальто, Сиан забирает пустой контейнер. Дай проверяет входную дверь и уходит последним из мужчин. Гвен остаётся на кухне, пока мы не убеждаем её вернуться домой хотя бы до утра.

Перед выходом она касается папки с реестром.

— Неста украла?

Вопрос простой. Я знаю ответ.

Рот удерживает его внутри.

— Не могу сказать.

Гвен кивает, не обижаясь.

— Значит, не говори.

Она забирает салфетку со стола, но Ффион останавливает.

— Оставь рядом с монетой. Отдельно.

Гвен кладёт ткань в другой прозрачный пакет и подписывает имя Несты. Оба пакета остаются на столе между нами, не соприкасаясь.

Когда дверь закрывается, дом впервые за день становится тише гроба.

Ффион переносит папку в переднюю, садится на нижнюю ступеньку и открывает первый карман. Лист о прихожей лежит лицом вверх. За ним пустой карман, дальше запись о монете.

— Четыре предмета, — просит она.

Я называю ключи на подоконнике, закрытую жестяную банку в шкафу, прозрачный пакет с монетой и тёмную пуговицу на платье Олуэн под крышкой гроба.

Ффион защёлкивает кольца папки. Монета остаётся в углу пакета и не касается салфетки.

Глава 3. Деньги у двери

К восьми утра у входной двери лежат два новых конверта.

Один просунули под порог, второй поставили ребром между молочной бутылкой и стеной, чтобы бумага не касалась камня. На первом фамилия Льюис, на втором — Дженкинс. Почерк Льюисов крупный, буквы наклонены вправо; Дженкинсы написаны карандашом, и последняя согласная стёрта пальцем.

Я фотографирую конверты до прикосновения. Общий вид двери, расстояние до порога, бутылка, фамилии. В заметках указываю время и то, что ночью дверь была заперта изнутри. Лишь после этого надеваю перчатки и переносу конверты на буфет, отдельно от тех, что уже записал Дай.

Гроб Олуэн остаётся в передней.

Людей в доме нет, однако закрытая крышка сохраняет их расстановку: два стула у стены, пустое место возле изголовья, хлебные крошки в бумажном свёртке на верхней кухонной полке. Серый кардиган висит на спинке кресла, жестяная банка с пуговицами стоит в нижнем шкафу, прозрачные пакеты с монетой и салфеткой Несты лежат на столе, не соприкасаясь.

Папка, которую Ффион назвала реестром, открыта на кухне. В первом кармане — запись об исчезнувшей прихожей в Кардиффе. Следующий оставлен пустым. За ним лежит лист о монете: предмет, салфетка с инициалами Несты Томас, событие от первого лица, содержание не передаётся.

Пустой карман раздражает больше заполненных.

Я знаю, зачем Ффион его оставила. Утрата может существовать без края и имени; прихожую удалось заметить лишь потому, что квартира требует пространства между входной дверью и кухней. Если исчез человек, о котором никто не позвонит, или день, не оставивший фотографии, реестр не подаст сигнала.

Дом Олуэн содержит слишком много вещей, способных задавать вопросы.

Дай приезжает в половине девятого. Фургон ставит вдоль стены, двигатель не глушит, пока не проверяет, закрыта ли дорога для машины часовенного комитета. Входит своим ключом, хотя дверь не заперта, и сразу замечает конверты на буфете.

— Льюисы и Дженкинсы?

— Да.

— Время?

— До восьми. Точнее не знаю.

Он снимает куртку, вешает на крючок и ставит на стол чёрную книгу с тканевым корешком. Книга толще той, в которой вчера записывал деньги; углы закрыты металлическими накладками, на обложке нет названия.

— Это что?

— Дверная.

— Чья дверь?

— Олуэн.

Он открывает книгу на последних страницах. Записи идут по годам, без печатных граф, но рука Дая каждый раз удерживает один порядок. Дата стоит у левого края; рядом фамилия, способ оплаты и короткая помета о передаче. Деньги обозначены суммой, еда — предметом, работа — часами. Некоторые строки заканчиваются именем Олуэн, другие — подписью родственника.

— Ты вёл её для неё?

— Для себя. Она вела свои.

— Зачем две книги?

— У нас разная работа.

Он находит сегодняшнюю дату и вписывает оба конверта, не открывая. Возле Льюисов ставит знак вопроса.

— Почему?

— Гетин жив.

— Значит, это аванс за смерть?

Дай поднимает голову.

— Люди приносят раньше, когда боятся не успеть. Иногда человек выздоравливает. Тогда конверт возвращают или оставляют на часовню.

— Олуэн брала деньги до обряда?

— Она не открывала их до хлеба.

— А после?

— Некоторые открывала. Другие отдавала мне, чтобы вернул. Часть семей платила едой, работой или перевозкой.

— Цена была одинаковой?

— Нет.

— Кто назначал?

— Никто.

Он переворачивает несколько страниц. В строках появляются мешок картофеля, ремонт водостока, двенадцать фунтов, два дня работы у стены, яйца каждую пятницу до Пасхи. Обряд не имел тарифа; люди приносили то, что считали достаточным, а Олуэн решала, оставить ли это в доме.

— Значит, плата была за совесть семьи.

— За действие.

— Действие уже совершалось над мёртвым.

— Платили живые.

Дай открывает конверт Моррисов, проверяет сумму и записывает её в книгу. Купюры возвращает внутрь, клапан не заклеивает.

— Я не беру деньги.

— Записал вчера.

— Их надо вернуть.

— Верну после похорон Олуэн.

— Почему не сейчас?

— Люди принесут снова. Скажут, что первый конверт потеряли или я оставил себе. После службы соберу семьи и отдам под подпись.

— Ты защищаешь книгу.

— И себя.

Он отмечает новые конверты карандашом, суммы оставляет пустыми.

— Эти не открываем. Льюисы могут попросить хлеб раньше, чем похороним Олуэн.

— Гетин умирает?

— Дома поставили кровать в передней. Хауэлл заходил вчера.

Имя ложится рядом с закрытым гробом и двумя таблетками на кухонном подоконнике.

— Как врач?

— Как человек, которому открывают.

Дай закрывает дверную книгу.

— Где записи Олуэн?

— Ты должен знать.

— Я знал, где лежали при жизни. После смерти вещи двигали.

— Кто?

— Гвен перенесла лекарства. Мейри доставала одежду. Я взял похоронные бумаги и деньги у двери. Хауэлл был в спальне до дежурного врача.

Он перечисляет действия без попытки уменьшить собственную часть.

— В какой комнате Олуэн вела записи?

— В передней, если люди приходили днём. Ночью — на кухне. Старые тетради держала наверху, новые возле кресла.

Я смотрю на кресло у полки. На сиденье кардиган, под ним ничего не видно.

Дай снимает одежду и кладёт на соседний стул. Под продавленной подушкой лежит плоский ключ на синей нитке. Он открывает нижнюю дверцу книжного шкафа.

Внутри тетради.

Не одна стопка, а несколько рядов, поставленных корешками наружу. Серые занимают верхнюю полку; ниже стоят школьные в клетку и линейку, между ними узкие записные книжки с резинками. У края лежат конверты, пришитые к картону, и коробка из-под аптечных пластырей.

Дай не касается содержимого.

— Она показывала тебе?

— Иногда просила принести определённую. Называла год и цвет.

— Ты читал?

— Нет.

— Ни одной страницы?

— Видел открытые. Не читал.

— Разница удобная.

Он принимает замечание.

— Я доставал то, что она называла. Возвращал туда, куда указывала.

Я фотографирую шкаф до извлечения первой тетради. Дай держит дверцу, пока телефон снимает общий вид и каждый ряд. На внутренней стороне дерева карандашом поставлены годы; рядом с двумя датами есть короткие насечки.

— Насечки твои?

— Олуэн.

— Значение знаешь?

— Нет.

— Ты никогда не спрашивал?

— Спрашивал о вещах, которые требовались для работы.

— А это?

— Было её.

Он отходит к гробу, проверяет температуру в комнате и приоткрывает окно на ширину двух пальцев. В его движениях нет интереса к тетрадям. Либо он умеет его скрывать лучше всех в доме.

Я вынимаю верхнюю серую тетрадь вместе с подставкой. Корешок подписан: 1998–2003. На обложке след от круглого предмета и два отверстия у нижнего угла. Следующая тетрадь охватывает 2003–2009 годы. В третьей даты нет; только буква О, написанная чернилами.

— Какая была последней?

Дай смотрит из передней.

— Серая с тканью на корешке. Лежала возле кресла.

Я нахожу её в глубине полки. На обложке приклеен кусок тёмной ткани; края обрезаны ножницами, на одном осталась нитка. Между страницами вставлены бумажные полоски разных размеров.

— Это всё надо описать, — произношу я.

— Поэтому принёс дверную книгу. Люди начнут приходить к десяти. Записи лучше убрать до них.

— Почему люди придут?

— Олуэн умерла. Они захотят увидеть, что осталось.

— Дом не открыт.

— Им это неизвестно.

Он забирает куртку.

— Вернусь к гробу в полдень. Если начнёшь трогать тетради, снимай состояние до рук.

— Уже делаю.

— И не развязывай ничего.

— Чего именно?

— Увидишь — поймёшь.

Ответ не объясняет, но предупреждение записываю вместе со временем.

Дай уходит. Через окно вижу, как он заносит дверную книгу в фургон и укладывает на пассажирское сиденье, завернув в серую ткань. Конверты остаются у меня; их он не забрал, потому что Олуэн ещё не похоронена и решение о деньгах формально принадлежит дому.

Ффион приезжает через двадцать минут, хотя её смена начинается после обеда. Входит с бумажным пакетом еды, прозрачными файлами и рулоном малярной ленты.

— Я купила то, чего у нормальных людей дома нет, — сообщает она. — Перчатки, наклейки и зарядный кабель длиной в три метра. Еда тоже есть, но она проигрывает канцелярии.

Она замечает открытый шкаф.

— Нашли?

— Дай показал.

— Сам не полез?

— Нет.

— Это тревожнее, чем если бы полез.

Ффион ставит пакет на кухонный стол, проверяет прозрачные пакеты с монетой и салфеткой, читает мою запись о новых конвертах. Лишь после этого снимает куртку.

— Спала?

— Лежала.

— Ела?

— Вчера.

Она достаёт сэндвич и подаёт мне.

— Для человека, который записывает время каждой монеты, ты удивительно расплывчата возле еды.

Я разворачиваю бумагу. Ффион садится напротив и смотрит, пока половина сэндвича не исчезает.

— Теперь монета, — произносит она.

— Что именно?

— Ты видела событие. Мне надо понять, что с твоей речью.

— Речь работает.

— На внешних вещах. Я спрашиваю про содержание.

Я кладу сэндвич на бумагу.

— Зачем?

— Чтобы знать, сможешь ли позвать на помощь, если следующий предмет покажет убийство, пожар или человека, который ещё рядом.

Слово «убийство» не связано с фрагментом Несты. Оно проходит свободно.

Ффион подвигает пакет с монетой к середине стола, не касаясь его голой рукой.

— Начнём с того, что лежит снаружи. Монета была в зашитом углу салфетки?

— Да.

— Салфетка принадлежала Несте Томас?

— По словам Гвен.

— Красные стежки существовали до того, как ты прикоснулась?

— Да. Есть фотографии.

— Во фрагменте ты видела Несту?

— Да.

Ответ проходит, потому что имя связано с предметом и вопрос касается личности источника, уже установленной Гвен. Или потому что содержание ещё не началось. Я не знаю, где стоит граница.

Ффион тоже замечает.

— Она держала монету?

Я вижу стол часовни, блюдо с пожертвованиями, пальцы Несты и салфетку. Намерение ответить возникает раньше слова.

Рот остаётся открытым на первом звуке.

Я закрываю его.

— Ещё раз, — просит Ффион. — Монета была у неё в руке?

Я считаю отверстия на тёмной пуговице у платья Олуэн, хотя гроб находится в другой комнате. Четыре. Слово «да» короткое, но направление у него ясное: передать увиденное.

Звука нет.

— Не дави, — произношу я.

Эта фраза выходит.

Ффион откидывается на спинку стула.

— Хорошо. Вопрос меняю. Ты можешь подтвердить содержимое кивком?

Я смотрю на неё.

Голова не двигается. Никакого физического усилия не требуется; шея свободна, взгляд удерживает лицо Ффион. Сам жест становится недоступным, как только получает значение ответа.

— Не можешь, — отмечает она.

— Не делай вывод за меня.

— Тогда скажи, что можешь кивнуть.

— Могу двигать головой.

Я поворачиваюсь к окну и обратно. Движение выполняется.

— А подтвердить?

Ответ не выходит.

Ффион кладёт ладони на стол.

— Значит, дело не во рту.

— Я этого не утверждала.

— Ты и не сможешь, если утверждение слишком близко к содержанию.

Я беру ручку.

— Напишу.

— Не сейчас.

— Почему?

— Потому что мы ещё не знаем, что произойдёт с рукой. Сначала границы речи.

Она убирает ручку за край стола, не отнимая у меня силой.

— Сколько монет взяла Неста?

Число существует во фрагменте. Две монеты по два шиллинга. Я вижу их на ладони, слышу сумму, названную Дилис.

Трещина в глазури чашки возле раковины имеет пять ответвлений. Я считаю их, возвращаясь к вопросу и снова вижу четыре шиллинга.

— Эйра?

Я собираюсь произнести число.

Следующее, что существует, — металлический край ключа в правой ладони.

Я стою в прихожей.

Входная дверь открыта. На крыльце свет, у стены моя машина, возле калитки фургон доставки останавливается и едет дальше. На мне нет куртки. В левой руке папка с реестром, прозрачные карманы прижаты к груди.

Ффион находится позади, на расстоянии двух шагов. Она не касается меня.

— Смотри на дверь, — говорит она.

Я смотрю.

— Назови четыре предмета.

Ключ. Медная ручка. Серая папка. Синий горшок у ступеньки.

— Где мы?

— В доме Олуэн. В прихожей.

— Дата?

Я называю.

— Какой вопрос я задала?

Не знаю.

Последнее, что доступно, — чашка с пятью трещинами и монета в прозрачном пакете. Между кухней и открытой дверью отсутствует движение.

— Про Несту.

— Конкретнее?

— Не помню.

Ффион подходит на шаг.

— Не закрывай дверь. Воздух не мешает.

— Сколько времени?

Она смотрит на телефон.

— Четыре минуты семнадцать секунд с вопроса. Ты встала, взяла папку, нашла ключи на подоконнике и открыла дверь.

— Я что-нибудь говорила?

— Номер.

— Какой?

— Четыре. Несколько раз.

Четыре шиллинга. Четыре отверстия в пуговице. Четыре предмета, которые она теперь заставляет меня назвать. Смысл числа зависит от источника; Ффион не может знать, какой я повторяла.

— Ты шла к машине, — добавляет она. — Остановилась, когда я попросила назвать дверь.

Я закрываю пальцы вокруг ключа, чтобы проверить, мой ли он. Брелок суда упирается в ладонь.

— Это уже было?

Ффион смотрит на открытый проём.

— Да.

— Когда?

— У Вирнуи.

Название входит без изображения.

— Ты рассказывала, что нашла меня у воды.

— Не сегодня.

— Я спрашиваю сейчас.

— Сегодня ты исчезла на четыре минуты. Сначала вернѐм их в запись.

Она забирает папку из моей левой руки и кладѐт на стол у двери. Ключи не просит отдать.

— Четыре предмета ещё раз.

Я называю другие: коврик, стекло в двери, её красный рукав, белая линия на камне крыльца.

— Хорошо. Закрой дверь сама.

Я выполняю. Ключ остаѐтся в ладони.

На кухне Ффион ставит два стула рядом, а не напротив. Телефон кладѐт на стол, открывает запись времени и диктует: вопрос о количестве, выпадение последовательности, движение из кухни к двери, повтор числа четыре, восстановление ориентации в прихожей.

— Это не медицинская карта, — говорю я.

— Это свидетельство.

— Для кого?

— Для нас. Если понадобится — для врача.

— Хауэлла?

— Нет.

Ответ быстрый.

— Ты ему не доверяешь?

— Я не собираюсь отдавать старому деревенскому врачу описание того, как ты теряешь время возле тетрадей его давней знакомой.

— Он осматривал Олуэн.

— Именно.

Я сажусь. На столе монета в пакете лежит рядом с салфеткой, между ними оставлено несколько сантиметров. Ффион возвращает ручку.

— Теперь запиши только внешнее. Вопрос, время, место, что делала по моим наблюдениям.

Я пишу. Рука не сопротивляется.

— Содержание не трогай, — предупреждает она.

— Я поняла.

— Нет, Эйра. Ты поняла правило как задачу на обход. Я прошу оставить его в покое хотя бы до вечера.

— Правила нет.

— Тогда есть человек, который вышел из кухни без четырёх минут.

Я записываю её формулировку дословно.

Ффион достаѐт из пакета с едой бутылку воды и ставит справа от меня.

— В две тысячи одиннадцатом ты тоже вышла.

— Из квартиры?

— Да.

— К Вирнуи.

— Да.

— Сколько времени отсутствовало?

Она проводит большим пальцем по ребру телефона.

— Больше суток.

Вопросы уже собираются, но Ффион поднимает руку.

— Полный разговор будет, когда ты не стоишь рядом с гробом Олуэн и не пытаешься превратить собственную фугу в материал расследования.

— Я имею право знать.

— И узнаешь. Не через пять минут после того, как снова сделала то же движение.

— Ты решила за меня.

— Я решила не загружать тебя собственной версией, пока ты не можешь проверить её другим источником.

Формулировка принадлежит Ние. Или Ффион пришла к ней сама.

— Квитанции сохранились? — спрашиваю я.

— Да.

— Медицинские документы?

— Часть.

— Значит, внешний маршрут есть.

— Есть.

— Тогда разговор состоится.

— Состоится.

Она берёт чистую карточку и пишет крупно: ЧЕТЫРЕ ПРЕДМЕТА. Под словами оставляет место, не превращая карточку в список.

— Что ещё? — спрашиваю я.

— Место.

Она добавляет строку.

— Дату?

— Дата будет вопросом, не правилом. Списки ты умеешь выполнять без себя.

Карточку Ффион кладёт в прозрачный карман реестра перед записью о прихожей. Вторую фотографирует и сохраняет в телефоне.

— Если речь закроется или время выпадет, я не спрашиваю содержание. Возвращаю тебя в комнату.

— Если тебя нет?

— Ты называешь предметы вслух и звонишь мне. Не садись за руль.

— А если рядом человек, которому нельзя доверять?

— Называешь нейтральные предметы и уходишь туда, где есть люди.

— Это уже список.

— Тогда запомни только четыре.

Она касается карточки ногтем.

В дверь стучат.

Не один удар, а два, с паузой. Деревенский способ сообщить: человек не уходит, но не считает себя вправе войти. Ффион закрывает пакет с монетой, а я убираю реестр в ящик буфета.

На крыльце Мейри и Сиан. Мейри держит жестяную коробку из-под печенья, Сиан — большую миску под полотенцем.

— Люди придут к одиннадцати, — сообщает Мейри. — Деньги надо убрать с глаз.

— Уже убраны.

— Куда?

— Неважно.

Она смотрит через плечо в переднюю.

— Олуэн принимала посетителей у гроба.

— Олуэн лежит в гробу.

— Поэтому принимать будешь ты.

Ффион появляется рядом со мной.

— Эйра никого не приглашала.

— Люди идут не по приглашению.

Сиан поднимает миску.

— Я принесла суп. Можно просто поставить на кухне.

— Можно, — отвечаю я.

Мейри входит следом, не дожидаясь отдельного разрешения. Коробку ставит на узкий стол и открывает. Внутри карточки с именами, несколько ключей на бечёвках и сложенные листы.

— Что это?

— Просьбы Олуэн. Кто получит книги, скатерти, посуду часовни. Она диктовала мне зимой.

— Подпись есть?

— Она доверяла мне.

— Значит, подписи нет.

Мейри вынимает первый лист.

— Свидетели есть.

— Кто?

— Хауэлл. Энид. Я.

— Энид может подтвердить?

— Если захочет.

— Хауэлл?

— Он подтвердит.

Ффион забирает у Сиан миску и уносит на кухню, освобождая ей руки.

— Ничего не распределяем до похорон, — говорю я.

— Часовенные вещи дому не принадлежат.

— Тогда Энид принесёт свою книгу и сверит.

Мейри складывает листы обратно.

— Ты вернулась на два дня и уже требуешь бумаги у людей, которые держали эту деревню, пока тебя здесь не было.

— Именно поэтому.

Сиан закрывает крышку коробки.

— Я могу спросить у тёти.

Мейри смотрит на неё.

— Энид тяжело дышит.

— Говорить ей это не мешает.

Сиан берёт коробку за боковые ручки.

— Отнесу обратно до сверки.

Мейри не отпускает сразу. Несколько секунд они держат коробку вдвоём, каждая за свой край. Внутри ключи касаются металла. Сиан сильнее; коробка остаётся у неё.

— Люди придут, — повторяет Мейри.

— Дверь будет закрыта, — отвечаю я.

— Олуэн не закрывала.

— Сегодня дом мой, по твоим словам.

Она видит собственную формулировку и не находит безопасного способа забрать её обратно.

Сиан уходит с коробкой. Мейри остаётся у гроба, кладёт ладонь на крышку и читает короткую молитву, не спрашивая, хотим ли мы слушать. Ффион возвращается из кухни, садится на нижнюю ступеньку и ждёт.

Когда Мейри заканчивает, она поворачивается ко мне:

— Хлеб принят. Люди будут считать, что ты согласилась.

— Дай записал обратное.

— Люди не читают книги Дая.

— Их проблема.

— Станет твоей.

Ффион поднимается.

— Время вышло.

— Чьё?

— Ваше в этом доме.

Мейри надевает перчатки и уходит, закрыв дверь сильнее, чем требуется защёлке.

Я запираю.

К одиннадцати возле калитки стоят люди.

Они не стучат все сразу. Подходят по одному, оставляют еду, цветы или конверты на стене; некоторые ждут, пока мы посмотрим из окна. Ффион фотографирует каждое подношение с фамилией, если она указана. Безымянные вещи ставим отдельно. Дверь не открываем.

Гвен приходит сзади, через кухню. У неё свой ключ или дверь оставалась открытой для неё; я не успеваю определить. Она видит людей у калитки и недовольно качает головой.

— Мейри сказала, что принимаете.

— Мейри ошиблась.

— Редкий день.

Гвен ставит на плиту чайник.

— Суп Сиан в холодильнике. Его надо съесть сегодня.

— Запишем.

— Не издевайся над едой. Она не виновата, что у вас всё стало уликой.

Она открывает шкаф и замечает, что хлебные крошки Олуэн всё ещё накрыты блюдцем.

— Их пора убрать.

— Куда?

— Раньше Олуэн выносила птицам или сжигала. Если хлеб был тяжёлый, оставляла до похорон.

Ффион поворачивается.

— Что значит тяжёлый?

Гвен берёт чашки, не отвечая.

— Спросите Дая.

— Все отправляют к Даю, — замечаю я.

— Потому что он не украшает ответы.

— А ты?

— Я украшаю пироги. Ответы оставляю как есть.

Она наливает чай и подаёт мне чашку.

— Что у тебя с лицом?

— Ничего.

— Ты бледнее стены.

Ффион отвечает:

— Был эпизод выпадения. Четыре минуты.

Гвен ставит чайник.

— Хауэлл знает?

— Нет, — произносим мы одновременно.

Она смотрит на нас по очереди.

— Хорошо.

— Почему?

— Потому что Гарет лечит словами ещё до того, как решил, от чего.

Гвен не развивает мысль. Возвращается к крошкам, снимает блюдце и проверяет бумажный свёрток.

— Эти оставлю. Олуэн была тяжёлая.

— Ты знаешь содержание?

— Нет.

— Тогда почему?

— После хлеба ты искала прихожую собственной квартиры, стоя в её кухне. Для меня достаточно.

Она заворачивает крошки плотнее и ставит обратно.

Люди у калитки расходятся к полудню. Ффион собирает подношения только после того, как дорога освобождается; каждый предмет получает фотографию и карточку. В одном пакете сыр, в другом свечи, в плетёной корзине яйца и полотенце. Деньги оставили трое, все конверты подписаны.

— Это уже не плата за Олуэн, — произносит Ффион. — Они инвестируют в следующую смерть.

— Или проверяют, принимаю ли роль.

— Разница есть?

— Для денег — нет.

Мы складываем конверты в отдельную коробку и пишем на крышке: не открывать; вернуть владельцам. Ффион добавляет дату и наши имена как свидетелей.

В передней гроб занимает половину комнаты. Тетради Олуэн остаются в открытом шкафу, но из дверей их не видно. Я переносу их на кухонный стол по одной, сохраняя порядок снимками.

Серые идут первыми.

Ффион ставит телефон на подставку и снимает каждое движение. Я диктую цвет корешка, состояние обложки и годы. Тетрадь 1998–2003 кладу отдельно; название диапазона совпадает с годами после смерти Бранвен.

— Не открывай её первой, — просит Ффион.

— Почему?

— Потому что именно её ты уже выбрала глазами.

— Значит, она важнее.

— Значит, ты не нейтральна.

— Я и не буду.

— Тогда хотя бы знаем где.

Мы начинаем с самой ранней школьной тетради. Внутри инициалы, даты, суммы и короткие обозначения предметов. Часть страниц занята обычными расходами: мука, соль, уголь, автобус до Уэлшпула. Между ними появляются смерти. Олуэн не отделяла обряд от хозяйства; хлеб для мёртвого стоял рядом с оплатой ремонта крыши и покупкой новых наволочек.

На странице 1986 года возле инициалов К.П. написано «без соли». Ниже — время, имя Дая и слово «ночь». Я фотографирую страницу и не строю версию.

В 1992 году та же помета стоит рядом с И.Б. Снова ночь. На соседнем листе расходы на свечи и новую защёлку для задней двери.

— Две записи, — замечает Ффион.

— Пока две.

— Дай предупреждал про узлы.

— Здесь узлов нет.

Мы продолжаем.

Среди страниц встречаются пуговицы, пришитые прямо к бумаге. Иногда рядом указан цвет, иногда только дата. Одна светлая пуговица закрывает часть строки; я не поднимаю её. Ффион снимает боковым светом, чтобы сохранить рельеф.

— Это индекс? — спрашивает она.

- Не знаю.
- Счёт?
- Возможно.
- Триггеры?
- Возможно.
- Ненавижу это слово.
- Какое?
- «Возможно». Оно у вас с Вон скоро станет семейным.

Я не отвечаю. У Вон ещё нет места в этой главе нашей жизни, однако Ффион уже строит язык, которым мы будем с ней говорить.

К трём часам на столе остаётся последняя серая тетрадь — 1998–2003.

Ффион ставит рядом бутылку воды и карточку с четырьмя предметами.

- Сначала назови.
- Тетрадь. Телефон. Ключи. Чашка.
- Место?
- Кухня Олуэн.
- Хорошо.

Я открываю обложку.

На первом развороте нет записей. Второй начинается апрелем 1998 года. Дата смерти Бранвен стоит у края страницы без имени, только В.Р. Ниже — короткая черта, две точки и приклеенная полоска бумаги, которую кто-то вставил под сгиб. У нижнего поля виден след от снятой пуговицы; остались нитка и два отверстия.

Я не касаюсь страницы.

— Сними общий вид, — прошу я.

Ффион фотографирует.

На следующем листе записи продолжают уже маем. Между ними одна строка вырезана аккуратно, по линейке; край гладкий, без бахромы. Человек, удалявший страницу, не торопился.

— Это Олуэн? — спрашивает Ффион.

— Ножницы её.

— Это не доказательство.

— Я знаю.

В глубине тетради лежит сложенный аптечный пакет. Его пришили к внутренней стороне обложки двумя стежками. На клапане инициалы М.Р. и дата 1997 года; ниже — В.Р. и короткая черта.

Мы не открываем.

— Фотографии, — напоминает Ффион.

Я снимаю пакет, стежки, клапан и расстояние до страницы Бранвен.

Дальше начинается 2003 год.

В начале ноября стоит Е.Л. Рядом небольшая светлая пуговица, пришитая к бумаге, и помета, которую я не могу разобрать: то ли «пост.», то ли «под.». Ниже — две точки.

Под записью вложена полоска из аптечного бланка. На ней нет текста, только край печати и номер, обрезанный посередине.

— Эйрлис? — спрашивает Ффион.

— Имя ещё не подтверждено.

— Но ты его подумала.

— Да.

— Тогда запиши как версию.

Я беру отдельный лист.

Е.Ј., ноябрь 2003 года. Возможное имя — Эйрлис Дженкинс. Основание: семейная память и адрес Кум-Лейн требуют проверки. Две точки и сокращение значения не имеют до повторов.

Ффион читает, убирает лист в прозрачный файл и кладёт карандаш поперёк открытой страницы, не касаясь пуговицы.

— Сегодня не трогаем.

— Почему?

— Потому что ты уже потеряла четыре минуты на монете и смотришь на эту пуговицу дольше, чем на гроб Олуэн.

Я закрываю ладонью край тетради, не сдвигая страницу.

Снаружи у калитки останавливается машина. Двигатель работает несколько секунд, затем глохнет. Через окно виден тёмный «Вольво» Хауэлла.

Ффион не убирает телефон с записи.

Он выходит, берёт с пассажирского сиденья бумажный пакет и направляется к дому.

Карандаш остаётся поперёк страницы Е.Ј.

Глава 4. Не будите девочку

«Вольво» Хауэлла останавливается возле калитки, пока карандаш лежит поперёк страницы Э. Дж.

Ффион не закрывает тетрадь. Сдвигает её к себе, накрывает прозрачным файлом и оставляет телефон на подставке, чтобы в кадре сохранились страница, сокращение и светлая пуговица. Красный знак записи горит в верхнем углу экрана.

— Ничего не убираем резко, — произносит она. — Он видел машину у дома и может спросить, чем мы заняты. Ответим: семейные бумаги.

— Это и есть семейные бумаги.

— Тем легче не придумывать.

Хауэлл выходит с бумажным пакетом под мышкой. Нижний край дверей «Вольво» светлеет от дорожной пыли, крыша машины отражает окно передней. Он запирает дверь, проверяет ручку и идёт к дому, опираясь на трость лишь на неровных камнях.

Ффион смотрит на телефон.

— Запись оставляю.

— Он заметит.

— Пусть.

Я иду в прихожую.

Хауэлл стучит дважды. Между ударами выдерживает паузу, принятую здесь для людей, которые готовы ждать у двери и всё же рассчитывают войти. Я открываю.

В руках у него пакет из пекарни Лланфиллина. Сквозь бумагу проступило масляное пятно, верх завернут внутрь и закреплён деревянной прищепкой.

— Гвен позвонила, — объясняет он. — Сказала, что в доме остались двое взрослых и ни одного человека, способного купить еду.

— Она была здесь час назад.

— За час люди успевают снова стать голодными.

Он снимает пальто и вешает рядом с курткой Ффион. Трость оставляет у стены.

— Олуэн?

— Всё ещё в гробу.

— Дай приезжал?

— Утром. Гроб заберёт в день службы.

Хауэлл смотрит в переднюю. Закрытая крышка занимает середину комнаты, стулья отодвинуты к стенам; возле буфета стоят коробки с подношениями, на каждой Ффион написала дату и условие возврата. Из кухни виден край серой тетради.

— Вы начали разбирать бумаги.

— Начали описывать состояние.

— Разумно.

Он идёт на кухню, не спрашивая дорогу. В этом доме он бывал чаще меня и сохраняет право движения в памяти тела: обходит нижнюю ступеньку, не задевает косяк плечом, ставит пакет на свободное место между сахарницей и прозрачными файлами.

Ффион остаётся у стола.

— Доктор Хауэлл.

— Ффион. В аптеке вас сегодня не ждут?

— После обеда.

— Значит, я успел до профессионального осуждения.

— Оно работает без расписания.

Он принимает ответ движением головы и смотрит на телефон.

— Вы записываете?

— Положение тетради и всех, кто к ней подходит.

— Тогда назову время входа, если нужно.

Ффион показывает экран часов.

— Уже сохранилось.

Хауэлл не приближается к тетради. Ставит пакет так, чтобы тот не касался файла, расстёгивает верхнюю пуговицу пиджака и садится на стул возле окна. стакан Гвен находится на подоконнике, лампы в кухне нет; дневной свет падает сбоку, подчёркивая морщины у его рта и белую линию на воротнике рубашки.

— Нашли имя? — спрашивает он.

— Инициалы, — отвечаю я.

— Олуэн любила сокращения.

— Почему?

— Полные имена занимают место.

— У неё были тетради.

— Место бывает не только на бумаге.

Ффион разворачивает пакет из пекарни. Внутри четыре булочки с сыром и две сладкие слойки. Она переносит еду на тарелку, бумагу складывает пятном внутрь.

— Вы знали, что Олуэн записывала умерших?

— Знал, что она ведёт свои книги.

— Видели?

— Обложки. Иногда страницы, если она просила найти дату.

— Какие даты?

— Похороны, платежи, кто приносил хлеб, кому вернуть посуду. Она не объясняла систему.

— Пуговицы?

Хауэлл смотрит на файл поверх открытой тетради.

— Видел пришитые к страницам. Олуэн хранила предметы, если считала их важнее имени.

— Почему пуговица важнее?

— Это вопрос к ней.

— Вы никогда не спрашивали?

— Спрашивал о лекарствах, дыхании и боли. Остальное она сообщала по выбору.

Ффион ставит перед ним чашку, наливает чай из заварника Гвен. Себе и мне тоже. стакан воды остаётся у окна.

— Вы присутствовали при её обрядах? — спрашивает она.

— Иногда приходил до хлеба или после.

— Во время?

— Несколько раз.

— Что происходило с Олуэн?

Хауэлл берёт чашку обеими руками, согревая пальцы.

— Она ела. Дай закрывал крышку. Люди уходили к столу.

— Я спрашиваю о ней.

— Бледнела, уставала, иногда не узнавала комнату сразу. В моём распоряжении не было измерений, позволяющих связать это с обрядом. Голод, возраст, напряжение и чужие ожидания тоже действуют на тело.

— Вы осматривали её?

— Она редко разрешала.

— Когда разрешала?

— Если падала или не могла назвать дату.

Я смотрю на открытую тетрадь. В ранних записях после плотных страниц остаются пустые строки; возле пятнадцати похорон есть отметки, которые позже совпадут с ниткой пуговиц. Сейчас у нас только несколько пришитых к бумаге предметов и предупреждение Дая не развязывать узлы.

— Она теряла время? — спрашиваю я.

Хауэлл подносит чашку к губам.

— Люди теряют время по-разному.

— Олуэн.

— Да. Иногда.

— Насколько?

— Несколько минут. Один раз больше часа.

— Когда?

— После похорон женщины из Кум-Лейн.

Карандаш на столе касается прозрачного файла. Ффион не двигает руку, но пальцы останавливаются.

— Имя? — спрашивает она.

Хауэлл смотрит на нас обеих.

— Эйрлис Дженкинс.

В комнате появляется внешнее имя.

Я записываю его на отдельной карточке, указываю источник и время. Рука идёт свободно.

— Год?

— Две тысячи третий.

— Дочь была рядом?

Пауза короткая.

— Элери жила с матерью.

— Сколько ей было?

— Восемнадцать или около того.

— Вы были у Эйрлис перед смертью?

— Был.

— У постели?

— Семья просила объяснить, как действовать ночью.

— Сидели справа от лампы?

Хауэлл ставит чашку на стол.

Ффион поворачивает голову ко мне.

Вопрос вышел раньше, чем я проверила источник. Положение стула дала Гвен у Энид, однако та сцена ещё не произошла; в нынешней точке романа внешнего подтверждения у меня нет. Есть только страница, пуговица и закрытое место возле лампы, которое я ещё не открывала.

Хауэлл рассматривает меня дольше, чем прежде.

— В комнате была лампа, — отвечает он. — Где именно стоял стул, не помню.

Я кладу ручку.

Ффион вмешивается:

— Вы сказали, Олуэн потеряла больше часа после похорон Эйрлис. Кто это видел?

— Дай привёз её домой. Гвен оставалась до утра. Я зашёл, когда позвонили.

— Что она делала?

— Сидела на кухне. Не узнавала собственную чашку. Повторяла, что девочку нельзя будить.

Ффраза входит в комнату через живого человека.

— Какую девочку? — спрашиваю я.

— Элери. Вероятно.

— Почему нельзя было будить?

— Не знаю.

— Вы слышали эти слова раньше?

Хауэлл берёт чашку снова. Большой палец проходит по краю ручки.

— Такие фразы говорят в домах, где кто-то умирает. Детей отправляют спать, взрослых просят не шуметь.

— Элери было восемнадцать.

— Для семьи возраст не всегда меняет слово.

Он смотрит на открытую страницу, хотя файл закрывает записи. Видны только Е.Л., край светлой пуговицы и карандаш поперёк листа.

— Не открывайте всё за один день, Эйра.

— Почему?

— Потому что вы уже потеряли часть собственной квартиры из-за монеты, происхождение которой ещё не проверено.

Ффион медленно ставит чашку.

— Откуда вы знаете про прихожую?

Вопрос занимает комнату целиком.

Хауэлл не меняет положения тела.

— Гвен позвонила утром. Беспокоилась, что Эйра не узнаёт дом в Кардиффе.

— Она не знала про прихожую, — отвечаю я. — При ней мы говорили о потере. Содержание записывали после её ухода.

— Значит, я ошибся в подробности.

— Вы назвали именно квартиру.

— Гвен сказала «что-то дома в Кардиффе».

— Нет, — произносит Ффион. — Я была рядом.

Хауэлл смотрит на неё.

— Тогда слышал от Мейри.

— Мейри не присутствовала.

— В деревне сведения редко сохраняют чистый маршрут.

— Вы только что дали нам полезный пример.

Ффион протягивает руку к телефону и проверяет, идёт ли запись. Красный знак остаётся на экране.

Хауэлл не просит остановить.

— Я не скрываю, что люди говорят, — произносит он. — Вчера весь Лланголвен обсуждал обряд и состояние Эйры после него.

— Они знали, что она потеряла память?

— Знали, что её проверяли по вопросам.

— Про квартиру?

— Возможно, кто-то услышал у двери.

— Дверь была закрыта.

— Тогда я не помню источник.

Формулировка остаётся пригодной. Чужой пересказ, неточная память, разговор у калитки — любое объяснение занимает то же место, что и доступ к медицинским сведениям, которым Хауэлл ещё не признался.

Он допивает чай и поднимается.

— Я принёс еду, убедился, что вы обе ориентированы, и услышал достаточно вопросов для одного утра.

— Вы уходите из-за тетради? — спрашиваю я.

— Ухожу, потому что меня ждёт пациент.

— Вы официально не врач.

— Пациент об этом не знает.

— Гетин Льюис?

Хауэлл берёт пальто со спинки стула.

— В том числе.

— Он умирает?

— Его семья вправе решать, что сообщать.

— Вы оставались с ним наедине?

— Нет.

Ответ приходит без задержки. Позже выяснится, что наедине он останется уже после смерти Олуэн; сегодня это может быть правдой.

В прихожей Хауэлл надевает пальто и берёт трость. Перед выходом возвращается к кухонной двери.

— Эйрлис Дженкинс умерла после тяжёлой болезни. Элери пережила мать на шесть лет. В горе семьи часто создают порядок, которого не было при жизни. Учитывайте это, когда читаете записи Олуэн.

— Вы тоже создаёте порядок, — отвечаю я.

— Каждый свидетель создаёт. Поэтому нужны независимые источники.

Он произносит нашу будущую формулу раньше Вон и уходит.

Через окно видно, как Хауэлл спускается к «Вольво», открывает пассажирскую дверь, переставляет бумажную папку на заднее сиденье и садится за руль. Двигатель заводится сразу. Машина разворачивается у каменной стены и уходит к верхней дороге, где живут Льюисы.

Ффион не двигается до тех пор, пока крыша автомобиля не исчезает за изгородью.

— Он знал про прихожую.

— Или слышал.

— От кого?

— Не знаю.

— Значит, записываем обе версии.

Она возвращается к столу, берёт карточку и пишет: Хауэлл назвал утрату, связанную с квартирой в Кардиффе; источник не установлен. Ниже добавляет его объяснения — Гвен, Мейри, разговоры деревни — и ставит возле каждого знак вопроса.

Я открываю телефон. От Гвен сообщений нет. От Мейри — одно, присланное ночью: «Люди обеспокоены, что ты плохо перенесла хлеб». Никаких подробностей.

— Можно спросить напрямую, — предлагаю я.

— Спросим позже и отдельно. Сейчас у нас человек, который только что назвал Эйрлис и дал внешний год.

Ффион убирает карточку в прозрачный файл.

— Ты собираешься трогать пуговицу.

— Да.

— Почему сейчас?

— Хауэлл знает про страницу или понял по вопросу.

— Он видел инициалы.

— И дал имя.

— Имя могло прийти из памяти о тетрадях Олуэн. Это не делает предмет безопаснее.

— Ффион.

— Что?

— Ты не остановишь.

Она смотрит на меня несколько секунд, затем встаёт и закрывает входную дверь на ключ. Проверяет заднюю, приносит из передней бутылку воды и ставит на стол. Телефон снимает непрерывно.

— Тогда условия мои. Ты называешь четыре предмета до прикосновения. Я не задаю вопросов о содержании. Если речь или время выпадут, возвращаю тебя в комнату. После фрагмента проверяем только то, что уже записано в реестре. За руль не садишься.

— Согласна.

— Произнеси полностью.

Я повторяю её условия. Ффион включает дополнительную запись на своём телефоне и ставит рядом старые часы Олуэн, чтобы в кадре был виден циферблат.

— Четыре предмета.

— Тетрадь. Бутылка. Карандаш. Твои ключи.

— Место?

— Кухня Олуэн.

— Дата?

Называю.

— Время?

— Одиннадцать сорок две.

Она снимает прозрачный файл с тетради и отодвигает карандаш. Светлая пуговица пришита у нижнего поля, нить завязана на обороте. Возле неё Е.Л., сокращение «под.» и две точки.

— Не отрывай, — предупреждает Ффион.

— Не собиралась.

Я кладу указательный палец на край пуговицы.

Первое движение приходит через давление ткани.

Я сидел справа от кровати. Лампа стояла на тумбочке, абжур был включён. стакан воды находился перед лампой. Эйрлис лежала на спине, рот был открыт.

Гвен стояла у двери.

— Не будите девочку. Она только уснула.

Я ответил, что не стану.

Элери была наверху.

Я достал из кармана маленький флакон и снял крышку. Налил жидкость в стакан, размешал ложкой. Эйрлис спросила, сколько.

— Обычная доза.

Я подал воду. Она выпила два глотка, отвернулась. Остаток поставил за лампу.

Эйрлис сказала, что в груди тяжело. Я держал её запястье. Пульс стал реже.

Гвен спросила из коридора, звать ли медсестру.

— Не будите девочку.

Я не поднялся.

Эйрлис попыталась повернуть голову к лестнице. Рука соскользнула с одеяла. Я поднял её и положил на кровать.

Стакан стоял за лампой.

Гвен вошла, когда дыхание прекратилось.

Кухня возвращается через край пуговицы.

Ффион сидит рядом, обе ладони лежат на столе. На телефоне идёт запись. Часы показывают одиннадцать сорок три.

— Четыре предмета, — произносит она.

Я называю тетрадь, бутылку, карандаш и её ключи.

— Где мы?

— Кухня Олуэн.

— Время прошло?

— Меньше минуты.

— Не рассказывай. Сначала вода.

Я беру бутылку и пью. Руки слушаются. Глотание свободное. Взгляд не распадается на детали, дверь остаётся дверью.

— Что ушло? — спрашивает Ффион.

— Пока не знаю.

— Тогда проверяем реестр.

Она подвигает папку. Прихожая в Кардиффе всё ещё отсутствует. Других записанных потерь пока две: неизвестное место, обнаруженное при наследовании, и одна ранняя память, которую я описала после хлеба Олуэн. Мы сверяем каждую по внешнему источнику; ничего нового не находится.

— Люди, — решает Ффион.

Я называю Нию Харт. После последнего разговора её голос хранится как сведения, человек не возвращается. Гвен узнаётся. Дай тоже. Олуэн остаётся лицом, движениями и несколькими фразами.

Бранвен.

Лицо матери доступно. Голос ещё здесь. Жёлтое платье возвращается вместе с кухней перед рассветом. Рабочая сумка, волосы у ушей, рука на моей голове.

— Иуан, — произносит Ффион.

Имя входит свободно.

Я знаю, кто он. Первый человек, которого я любила. Мы познакомились в Аберистуите на летнем курсе, жили в разных общежитиях, ездили к морю на старом автобусе. Он был левшой, носил часы на правой руке, однажды рассёк подбородок о велосипедную стойку. Рост выше моего на ладонь.

Лица нет.

— Что? — спрашивает Ффион, увидев паузу.

— Иуан.

— Что именно?

— Я знаю всё, кроме лица.

Она открывает мой телефон и вводит имя. Фотографии находятся сразу: Иуан на пляже, Иуан у окна кафе, Иуан возле общежития с велосипедом. На снимках молодой мужчина с тёмными волосами, прямым носом и узким подбородком. Я могу описать его по пикселям. Узнавания нет.

— Голос? — уточняет Ффион.

— Есть. Низкий. Он глотал окончания, когда сердился.

— Руки?

— Помню.

— Лицо до прикосновения было?

Я возвращаюсь к утру. Проверяла Нию, Бранвен, Олуэн. Иуана не называла.

— Не знаю.

— Значит, обнаружение сейчас. Не утверждаем время утраты.

— Цена относится к этому фрагменту.

— Это версия.

— Я открыла Эйрлис и потеряла лицо первого человека, которого любила.

— Мы не знаем, когда лицо исчезло.

Ффион говорит жёстче, чем чувствует; её задача сохранить границу, пока я уже построила причинность.

— Запиши обе формулировки, — прошу я.

Она открывает новый лист реестра.

Иуан Рис. Лицо отсутствует. Обнаружено после прикосновения к пуговице на странице Е.Ј. Внешние источники — фотографии, переписка, Ффион. Время самой утраты не подтверждено.

Я читаю.

— Добавь: остальные части памяти сохранены.

Она добавляет голос, руки, рост, часы на правой руке и шрам под подбородком. Не для восстановления лица. Для фиксации границы.

— Теперь содержание, — произносит Ффион. — Проверим канал без деталей.

— Я могу сказать имя Эйрлис.

— Оно пришло от Хауэлла.

— Да.

— Комната?

— Спальня.

Слово поддерживается страницей, сокращением и рассказом Хауэлла о смерти дома. Проходит.

— Лампа была?

Я собираюсь ответить утвердительно. Лампа существует во фрагменте и в его живой фразе лишь как возможная деталь комнаты; Хауэлл не подтвердил положение.

Рот остаётся свободным, но слово не формируется.

— Не можешь, — отмечает Ффион.

— Не утверждай за меня.

— Тогда скажи, что вопрос понят.

— Понят.

— Был ли там стакан?

Я смотрю на бутылку воды. Положение стакана за лампой принадлежит только гробовому содержанию.

Ответа нет.

Ффион закрывает рот ладонью на секунду и убирает руку.

— На письме проверять будем?

— Да.

Она даёт мне чистый лист и ручку. Телефон переводит так, чтобы в кадре были бумага и кисть.

— Пиши нейтральное предложение.

Я записываю: Хауэлл приходил в дом Олуэн. Рука движется свободно.

— Теперь комнату Эйрлис.

Пишу: Эйрлис умерла дома в 2003 году. Это поддерживается именем и годом от Хауэлла.

— Стакан.

Я собираюсь написать: стакан стоял за лампой.

На листе появляется:

Соль лежала у гроба.

Ффион наклоняется ближе.

— Что хотела написать?

— Про стакан.

— Какое слово вышло вместо него?

— Соль.

Она записывает на собственной карточке время и намерение, не прикасаясь к моему листу.

— Ещё одно. Постель.

Я собираюсь написать: Эйрлис лежала в постели.

Рука выводит:

Эйрлис лежала в гробу.

Слово написано моим почерком. Я вижу каждую букву во время движения, но осознаю замену лишь после точки.

Ффион убирает ручку.

— Хватит.

— Нужно установить систему.

— Двух замен достаточно.

— Пока две.

— Достаточно для человека. Для системы найдёшь кого-нибудь другого.

Она фотографирует лист на столе, общий вид страницы и положение ручки. Я забираю карандаш.

— Голос.

Ффион удерживает моё запястье.

— Нет.

— Это важно.

— Тебе уже забрали лицо. Я не знаю, что произойдёт от третьей попытки.

— Попытка передачи цену не берёт.

— Откуда знаешь?

Ответа у меня нет. Она отпускает руку, но ручку забирает и кладёт в карман.

— Ты не имеешь права...

— Имею право вынести свою ручку из твоей кухни.

Я достаю карандаш из блока Олуэн.

Ффион не успевает остановить.

Намерение: голос сказал «не будите девочку».

На бумаге появляется:

Хлеб лежал у двери.

Карандаш ломается на последней букве. Грифель оставляет тёмную точку возле края листа.

Ффион смотрит на написанное. В лице уже нет раздражения; осталось решение закончить опыт.

— Ещё одно слово не пишешь.

— Нужно проверить глагол.

— Эйра.

Я переворачиваю карандаш и использую заточенный второй конец. Намерение: он держал её за запястье.

Рука пишет:

Она ела.

Ффион вырывает карандаш из пальцев и отбрасывает к раковине. Дерево ударяется о чашку и падает на пол.

— Всё.

Я читаю четыре строки.

Соль лежала у гроба.

Эйрлис лежала в гробу.

Хлеб лежал у двери.

Она ела.

Слова относятся к обряду Олуэн. Каждое заменило предмет или действие из комнаты Эйрлис. Рот не позволил передать содержание, рука переписала его в язык хлеба.

— Фотографируй, — прошу я.

— Уже.

Телефон снимает непрерывно. Ффион делает отдельные кадры, добавляет часы Олуэн и страницу Е.Ј. в общий план, не перемещая лист.

— Его нельзя оставлять на столе, — произносит она.

— Почему?

— Люди придут к гробу. Мейри читает всё, что лежит горизонтально.

Я беру прозрачный файл.

— Сначала подпись.

— Какая?

— Наши имена, время, условия.

Ффион пишет на отдельной карточке: лист создан Эйрой Причард после прикосновения к пуговице на странице Е.Ј.; присутствовала Ффион Морган; намеренные слова и получившиеся замены зафиксированы устно на записи. Карточку помещает в файл вместе с листом, не подписывая саму бумагу.

— Где храним?

— В серой тетради. Рядом с источником.

— Оригинал тетради нельзя превращать в папку для твоего симптома.

— Он уже связан.

— Тогда между страницами, без клея и новых стежков.

Я складываю лист вчетверо. Ффион останавливает на втором сгибе.

— Так следы будут новыми.

— Они и есть новые.

— Сфотографируй каждый сгиб.

Мы снимаем лист до складывания, после первого сгиба и после второго. Я помещаю его в серую тетрадь рядом с пришитым аптечным пакетом, не открывая пакет. Угол бумаги остаётся виден у корешка; Ффион фотографирует страницу целиком и закрывает обложку через прозрачный чехол.

В дверь стучит Дай.

Он входит после приглашения, несёт коробку с программами службы и два новых конверта. На кухне останавливается, увидев телефоны, открытый реестр и серую тетрадь.

— Что случилось?

— Эйра открыла запись Эйрлис, — отвечает Ффион. — Говорить не может. При письме заменяет слова.

Дай ставит коробку на стул.

— Что ушло?

— Лицо Иуана, — отвечаю я.

Имя ему ничего не говорит.

— Лист где?

Ффион показывает серую тетрадь.

— Сложен и вложен рядом с пакетом. Мы сняли положение.

Дай подходит к столу, не трогая обложку. Видит угол сложенного листа, аптечный пакет и светлую пуговицу на странице.

— Олуэн делала так же?

— Что именно? — спрашиваю я.

— Складывала неправильные слова отдельно.

— Где?

— Не знаю. Видел один лист много лет назад. Она сожгла его в печи.

— Что на нём было?

— Не читал.

Ффион смотрит на него.

— Разумеется.

Дай принимает и это.

— Мейри придёт через час. Тетрадь убери в шкаф. Лист оставь там, где я увидел, если позже понадобится подтвердить.

— Зачем тебе подтверждать?

— Потому что завтра каждый в деревне будет знать, что вы нашли бумагу, где Эйра пишет про хлеб. Я хочу помнить, где она лежала до разговоров.

Он называет время, я записываю его присутствие как третьего свидетеля положения листа.

— Ты знал Эйрлис? — спрашиваю я.

— Да.

— Элери была дома в ночь смерти?

— Была. Спала наверху, пока люди сидели внизу.

Внешнее подтверждение приходит слишком поздно для фрагмента, но вовремя для записи.

— Кто тебе рассказал?

— Энид. Она расставляла стулья и утром забирала посуду.

— Хауэлл сидел у постели?

Дай смотрит на серую тетрадь.

— Был там. Где стоял стул, не знаю.

— Олуэн приехала на хлеб?

— На следующий день.

— Тяжёлый?

Он не отвечает сразу.

— Серую пуговицу на общей нитке я помню. Уверен в цвете, не в человеке.

— После хлеба Олуэн теряла время?

— Гвен звонила Хауэллу. Он приехал.

— Что повторяла Олуэн?

Дай берёт коробку с программами.

— Не будить девочку.

Фраза получает второй внешний источник.

Я записываю дословно.

— Почему это осталось в деревенской памяти?

— Потому что Элери была взрослой и всё равно спустилась утром, спрашивая, почему ночью никто её не разбудил.

— Она обвиняла кого-то?

— Она обвиняла всех.

Дай переносит коробку в переднюю. Возвращается за конвертами и задерживается у двери кухни.

— Тетради убери до посетителей.

— Уберу.

— И не трогай пакет М.Р.

— Почему именно его?

— Не знаю, что внутри. Олуэн пришила его после смерти Бранвен.

— Ты видел?

— Видел, когда принёс ей коробку вещей.

Он уходит в переднюю, оставляя новую связь: аптечный пакет существовал в тетради после 1998 года и находился рядом с листом, который теперь содержит мои неправильные слова.

Ффион закрывает шкаф и поворачивает ключ. Снимает его с синей нитки, кладёт в прозрачный карман реестра и подписывает: ключ от шкафа с тетрадами; хранится у Ффион до окончания визитов.

— Ты забираешь ключ?

— На несколько часов.

— Это дом Олуэн.

— Теперь твой, по словам Мейри.

— Значит, ключ должен быть у меня.

Ффион смотрит на лист об Иуане.

— Твоё сейчас исчезает быстрее, чем я успеваю подписывать.

Я протягиваю ладонь.

Она отдаёт ключ.

— Тогда на шею.

Синяя нитка короткая, ключ ложится у ключицы под воротом. Ффион фотографирует положение и возвращает телефон на подставку.

— Проверим Иуана ещё раз, — произносит она.

На экране остаётся фотография у моря. Я называю внешние черты, голос и шрам. Лица в памяти нет.

— Запиши, что не вернулось.

Я добавляю время повторной проверки. В реестре уже три типа отсутствия: пространство, человек целиком и лицо при сохранённых остальных частях. Их нельзя сравнивать по размеру. Каждое занимает то место, которое раньше не требовало названия.

В передней Дай двигает стулья. Через окно видны люди у калитки. Мейри идёт первой, рядом с ней Хауэлл; он вернулся без бумажного пакета и держит трость в правой руке.

Ффион закрывает реестр.

— Сегодня больше ничего не открываем.

— Я услышала.

— Произнеси как обещание.

— Сегодня больше ничего не открою.

Она выключает непрерывную запись, проверяет сохранение файла и создаёт копию на внешнем накопителе. Серую тетрадь запираем в шкафу. Сложенный лист остаётся внутри рядом с аптечным пакетом; его угол виден через щель между страницами.

Когда Хауэлл входит в кухню, на столе лежат только чашки, тарелка с остывшими булочками и новый лист реестра.

Он смотрит на моё лицо.

— Нашли цену?

— Да.

— Какую?

— Личную.

— Вы умеете говорить о содержании?

— Нет.

Его взгляд проходит к шкафу, замечает ключ на синей нитке у меня на шее и возвращается к губам.

— Тогда храните внешнее.

Он садится на тот же стул у окна. Ффион ставит перед ним чашку, а стакан воды переносит на середину стола, далеко от подоконника.

Глава 5. Подушка

Дай звонит в семь десять, когда я заканчиваю переписывать лист с неправильными словами.

Оригинал лежит в прозрачном файле, сложенный рядом с серой тетрадью; на отдельной карточке указаны время, свидетели и четыре намеренных фразы, превратившиеся в соль, гроб, хлеб и еду. Ффион забрала сломанный карандаш с пола, поместила в маленький пакет и подписала его так, как подписывают предметы, значение которых ещё не установлено.

Телефон вибрирует возле папки.

— Оуэн Моррис умер, — сообщает Дай. — В пять сорок семь. Медсестра была в доме.

Ффион сидит на подоконнике с чашкой, обе ноги поставила на пол. Услышав фамилию, перестаёт вращать блюдо.

— Семья просит хлеб? — спрашиваю я.

— Жена просила ещё ночью. Рис против, но подпись поставил.

— Оуэн был в сознании?

— До вечера. После полуночи уже нет.

— Хауэлл приходил?

В трубке слышно, как Дай открывает дверь фургона. Металл проходит по направляющей, голос отдаляется.

— Вчера около семи. Оставался один у кровати.

Ффион ставит чашку на подоконник.

— Кто это подтвердит?

— Рис был на кухне. Мари — наверху с детьми.

— Сколько Хауэлл пробыл в комнате?

— Минут пятнадцать.

— Он принёс что-нибудь?

— Коричневый конверт.

Тот же цвет, что Бетан позже вспомнит у Гетина. Сейчас это только бумага в руке старого врача, пришедшего проститься с человеком, которого лечил десятилетиями.

— Где конверт?

— Рис не нашёл.

Дай называет адрес, хотя дом Моррисов стоит на Верхней дороге и виден из окон часовни: низкая каменная постройка, пристройка из светлого кирпича, теплица у задней стены.

— Во сколько?

— Десять. Гвен печёт. Приходи к половине.

Связь заканчивается.

Ффион слезает с подоконника.

— Я еду.

— У тебя смена.

— Рави уже получил ключи, код от сигнализации и указание не спорить с людьми, которые требуют антибиотик от одиночества.

— Ффион.

— Я не оставлю тебя одну у второго гроба через сутки после листа, который переписал твои руки.

Она берёт прозрачный файл с неправильными словами и возвращает в серую тетрадь, оставляя угол видимым у корешка. Тетрадь запираем в шкафу, ключ на синей нитке остаётся у меня под воротом.

До дома Моррисов идём пешком. У калитки стоит фургон Дая, возле теплицы — машина районной медсестры. «Вольво» Хауэлла нет. На нижней ступеньке крыльца оставлены две пары мужских ботинок; между ними лежит сложенный поводок, хотя собаки в доме не слышно.

Рис открывает до стука.

Ему около сорока. В детстве он был младше меня на несколько лет и ходил за отцом по часовенному двору, собирая гвозди в жестяную банку. Сейчас лицо стало шире, волосы выбриты у висков, на чёрном свитере остался белый след от чужой ладони.

— Эйра.

— Рис.

Он смотрит на Ффион, узнаёт и отступает.

— Мама в передней. Дай привёз гроб.

В прихожей сняли дверь со стеклянной вставкой и прислонили к стене, чтобы носилки прошли свободно. У порога лежит отвёртка, возле неё четыре винта в блюде. Дай снял дверь аккуратно и оставил крепёж там, где его можно пересчитать.

Передняя соединена с кухней широким проёмом. Кровать уже разобрали; матрас поставили у стены, простыни сложены в корзину, кислородный аппарат остаётся возле розетки. Гроб стоит у окна на деревянных козлах. Оуэн лежит в тёмном костюме, руки вытянуты вдоль тела: пальцы не складываются на груди из-за отёка суставов. На крышке маленькой коробки у изголовья лежат часы, обручальное кольцо и ингалятор с синей крышкой.

Рис замечает мой взгляд.

— Этот не его обычный. Дай нашёл в ящике.

— Обычный где?

— Не знаю. Вчера был на тумбочке.

— Кто видел?

— Мама. Хауэлл.

Мари Моррис сидит у окна на стуле с подушкой под спиной. Тонкое чёрное платье скрыто серым кардиганом, волосы собраны у затылка серебряной заколкой. Она поднимается и берёт меня за обе руки, раньше чем я успеваю решить, позволить ли.

— Оуэн просил, чтобы ты пришла.

— Когда?

— Во вторник. Ещё мог говорить. Спросил, вернулась ли внучка Олуэн. Я ответила, что вернулась. Он велел позвать.

— Зачем?

Мари отпускает руки.

— Про хлеб. Думаю.

— Он употребил это слово?

— Спросил: «Она будет есть?» Я решила, что про тебя.

— Вы переспросили?

— Нет. Он устал.

Ффион остаётся у проёма в кухню; оттуда видны гроб, входная дверь и мои руки. Сумку ставит на стул, телефон держит экраном вверх.

Дай проверяет имя на карточке.

— Свидетельство есть. Коронер не требуется. Медсестра останется до закрытия крышки.

Районная медсестра выходит из кухни с папкой. Её зовут Кэрис Джонс; на удостоверении фотография моложе нынешнего лица, подпись сделана чёрной ручкой.

— Оуэн находился под паллиативным наблюдением, — объясняет она. — Болезнь лёгких, сердечная недостаточность. Смерть ожидаемая. Ночью семья звонила по плану, я приехала до пяти.

— Хауэлл участвовал в плане?

— Официально — нет. Семья советовалась с ним как со старым врачом.

— Вчера он изменял лекарства?

Кэрис смотрит на Риса.

— Я не присутствовала при визите. По телефону доктор Хауэлл рекомендовал не увеличивать дозу без дежурной службы. Это медицински разумно.

— Ингалятор находился у кровати?

— При моём приезде — в верхнем ящике тумбочки.

Рис качает головой.

— Я нашёл его там утром.

— Какой ингалятор?

— Синий. Обычный от приступов.

Он берёт предмет с коробки у изголовья и показывает. Пластик потёрт у края, наклейка частично стёрта, дата выдачи относится к прошлому году.

— Этот? — спрашиваю я.

— Нет. Похожий.

— Где тумбочка?

— В спальне. Ящик не трогали.

Кэрис закрывает папку.

— Оуэн не мог самостоятельно пользоваться ингалятором последние сутки. При приступе требовалась помощь семьи и кислород. Его отсутствие у кровати само по себе не меняет медицинскую оценку.

— Я пока ничего не меняю.

— Знаю. Просто обозначаю предел факта.

Она говорит без защиты Хауэлла; процедура научила её отделять странность от причины смерти.

Гвен входит через кухню с подносом. На нём круглый хлеб под белой тканью, стеклянная банка соли и два стакана воды. Один ставит возле Ффион, второй — на буфет у гроба.

— Этот не трогайте, — предупреждает она, указывая на стакан. — Для Эйры после хлеба.

— Я принёс воду, — замечает Дай.

— Твоя стоит у двери и нагрелась в фургоне.

Гвен освобождает край буфета, убирает газеты и вазу с засохшими ветками. Под вазой остаётся круг без пыли. Она ставит поднос туда, где все предметы видны из комнаты.

— Хауэлл будет? — спрашивает Мари.

— Его не приглашали, — отвечает Рис.

— Он знал Оуэна дольше нас обоих.

— Это трудная арифметика, мама.

Мари не спорит. Смотрит на ингалятор у изголовья и поправляет подол кардигана.

На кухонном столе лежит коричневый конверт.

Я замечаю его, когда Ффион отходит за водой. Конверт открыт по короткому краю, внутри ничего нет; на лицевой стороне имя Оуэна, написанное округлой рукой. Под ним одна строка: лично.

— Нашёлся? — спрашиваю Риса.

Он подходит.

— В ящике с полотенцами. Мама положила утром.

— Пустой был?

— Да.

— Кто открыл?

— Отец. Вчера Хауэлл подал ему на кровати. Я видел из кухни.

— Вы вошли после визита?

— Через минуту.

— Что делал Оуэн?

Рис трёт подбородок.

— Лежал. Конверт держал на груди. Я спросил, что там. Он ответил: «Не тебе».

— Голос был ясный?

— Да.

— Хауэлл вышел с бумагами?

— В руках ничего не было.

— Карманы?

— Я не обыскивал старика у двери.

— Достаточно.

Ффион снимает конверт на столе, предварительно спрашивает разрешение у Мари. Та кивает. Общий вид, почерк, открытый край, пустая внутренняя часть. Рис диктует время вчерашнего визита приблизительно: без четверти семь, потому что в новостях начинался выпуск.

— Полиции это нужно? — спрашивает Мари.

— Сейчас мы только сохраняем, — отвечаю я.

— Оуэн умер от болезни.

— Возможно.

Рис напрягается.

— «Возможно» здесь лишнее.

Кэрис вмешивается раньше, чем спор получает форму.

— Смерть соответствует болезни и ожидаемому течению. Любые новые сведения можно передать врачу, подписывающему свидетельство. Обряд к медицинской части отношения не имеет.

Она встаёт возле стены и проверяет часы.

Дай переносит крышку к гробу, оставляет внутренней стороной наружу и кладёт инструменты на белую ткань. На дереве карандашом написано MORRIS, ниже — время смерти. Мари касается букв пальцами и отходит.

— До крышки, — напоминает Дай.

Рис смотрит на мать.

— Это обязательно?

— Для меня — да.

— Отец не верил.

— Он спросил, будет ли Эйра есть.

— Это не вера.

— Это просьба.

Рис переводит взгляд на меня.

— Вы можете отказаться.

— Знаю.

— Тогда зачем соглашаться?

Ответа, пригодного для комнаты, нет. Оуэн просил. Хауэлл пришёл с конвертом. На тумбочке исчез ингалятор. В серой тетради уже лежат чужие постели и неправильные слова. Ни один факт не обязывает меня брать хлеб.

Я смотрю на Мари.

— Он назвал меня?

— Эйру. Не внучку.

Решение принадлежит мне. Я киваю Даю.

— Клади.

Ффион не спорит. Лишь передвигает телефон так, чтобы в кадре оставались хлеб, мои руки и часы на стене.

Дай отрезает ломоть. Корка плотная, с тёмной полосой у нижнего края. Хлеб кладёт на узкую доску поперёк открытого гроба; соль ставит справа.

— Двумя руками.

Я беру ломоть.

Первый кусок отдаёт дрожжами и слишком густым мякишем. Гвен испекла хлеб рано утром, корка остыла, середина ещё сохраняет мягкость. Соль ложится на язык отдельно.

Я считаю движения челюсти, не закрывая глаз.

Комната держится. Оуэн лежит ниже доски. Мари сидит у окна. Рис стоит возле кухни, обе ладони засунуты в карманы. Хауэлла нет.

На втором куске давление появляется у левого края хлеба. Сначала слабое, затем становится плотнее, как у монеты Несты и пуговицы Эйрлис. Я могу остановиться до раскрытия, но обряд требует съесть ломоть, а закрытое место уже находится в руках.

Ффион замечает паузу.

— Четыре предмета.

— Хлеб. Соль. Часы. Телефон.

— Место?

— Дом Моррисов.

— Хорошо.

Я откусываю ещё.

Фрагмент открывается со стороны Оуэна.

Я лежал на спине. Подушка подняла голову, в грудь входил воздух из трубки. Мари была на кухне. Рис стоял у задней двери.

Доктор Хауэлл закрыл дверь в переднюю и сел справа. Коричневый конверт положил на одеяло.

— Оуэн, мне нужно оставить у вас признание.

Я ответил, что священник придёт в пятницу.

— Мне не нужен священник.

Он вынул лист. На нём было имя Идриса Морриса и дата смерти.

— Идрису я помог уйти.

Я спросил, что значит «помог».

Он сложил лист и убрал в конверт.

— Дал ему возможность не продолжать.

Я позвал Риса. Голос не дошёл до двери.

Доктор наклонился к левому уху.

— Я убрал ингалятор и подождал.

Я сказал, что не хочу слышать.

— Уже слышали.

Его рука лежала на подушке возле моей головы. Большой палец держал край наволочки.

— Зачем мне?

— Олуэн умерла. Эйра ест.

Я потянулся к звонку. Он отодвинул кнопку за стакан.

— Рис войдёт через несколько минут. Вы ничего не должны делать.

Он встал, оставил конверт на груди и открыл дверь.

Фрагмент Оуэна заканчивается, но за ним остаётся второе давление.

Я знаю, что могу остановиться. Признание уже получено: Хауэлл назвал Идриса, ингалятор и ожидание. Для расследования этого всё равно нельзя передать. Открытие глубже даст событие, прожитое самим Хауэллом, и потребует цену, размер которой неизвестен.

Я продолжаю.

Комната меняется.

Я вошёл в дом Моррисов ночью. Идрис лежал в передней на складной кровати. Лампа стояла на тумбочке справа, ингалятор — перед ней. стакан был у края.

Мари была моложе и держала полотенце. Оуэн сидел на кухне.

— Дышать тяжелее, — произнёс Идрис.

Я проверил пульс и послушал грудь. Ингалятор подал ему два раза. Он вдохнул один раз, второй вдох не завершил.

— Ещё.

Я взял ингалятор.

— Сначала подождём.

Идрис поднял руку. Пальцы не достали до моей.

Я поставил ингалятор за лампу.

Мари спросила, звонить ли в скорую.

— Через несколько минут. Дорога долгая, ему станет легче.

Я открыл медицинскую сумку, достал шприц и ампулу. Дозу ввёл в руку. Идрис закрыл глаза.

Дыхание стало реже.

Оуэн вошёл из кухни.

— Скорая?

— Уже поздно везти. Пусть будет дома.

Он посмотрел на брата и вышел за Мари.

Идрис открыл глаза.

— Спрей.

Я держал его запястье.

— Дышите медленно.

Он снова потянулся к лампе. Рука коснулась абажура, стакан сдвинулся к стене. Ингалятор остался за основанием.

Я ждал.

Через семь минут позвонил в службу.

Когда Мари вернулась, я стоял у кровати и держал стетоскоп на груди Идриса.

Комната Моррисов возвращается вместе с хлебом во рту.

Лампы возле гроба нет. стакан Гвен стоит на буфете, на виду. Ингалятор Оуэна лежит у изголовья в маленькой коробке. Хауэлл отсутствует, но его голос остаётся в первом слое: Олуэн умерла. Эйра ест.

Я глотаю.

Ффион делает шаг ближе.

— Вода?

Дай смотрит на ломоть. Осталось меньше половины.

— Сначала конец, если может.

— Может решать сама, — отвечает Ффион.

Я доедаю. Новых слоёв нет. Оуэн принял признание и унёс его к смерти; Хауэлл вложил в него собственный поступок, зная, что хлеб перенесёт содержание дальше.

Последний кусок проходит с водой. Ффион подаёт стакан, держит снизу, пока я пью. Дай убирает доску и блюдо.

— Отвернись.

Я поворачиваюсь к кухне.

За спиной крышку поднимают Дай и Рис. Мари читает молитву тихо, сбивается на середине и начинает строку заново. Металл входит в дерево. Дай двигается от изголовья к ногам, не ускоряя работу.

Ффион кладёт ладонь между моих лопаток.

— Где мы?

— У Моррисов.

— Четыре предмета.

— Телефон. Пустой поднос. Ключ на буфете. Красный край твоего рукава.

— Время?

Я называю.

Дай касается плеча.

Гроб закрыт.

Рис остаётся у крышки. Обе руки лежат на дереве, пальцы разведены.

— Что с ней? — спрашивает он Ффион.

— Устала.

— От хлеба?

— От дня.

Ответ сохраняет обе версии.

Мари подходит ко мне.

— Оуэн был тяжёлым?

Вопрос Дая из будущих похорон уже существует здесь в другой форме.

— Хлеб плотный.

Гвен, собирающая крошки в бумагу, кивает.

— Я делала для еды, не для воздуха.

Мари удовлетворяется. Ей нужен ответ, который разрешит перейти к службе и кухне.

Кэрис Джонс подписывает время закрытия гроба, забирает медицинскую папку и просит Риса не выбрасывать лекарства до официального списка возврата. Ингалятор у изголовья кладёт в прозрачный пакет, подписывает фамилию и дату.

— Ящик в спальне осмотрим вместе, — напоминаю я.

Рис хмурится.

— Зачем?

— Найти обычный ингалятор Оуэна и конверт.

— Конверт здесь.

— Его содержимое отсутствует.

— Отец мог сжечь лист.

— Мог.

— Или Хауэлл забрал.

— Мог.

— Вы уже выбрали.

— Я фиксирую варианты.

Кэрис предлагает осмотреть ящик сейчас, пока все присутствуют. Рис соглашается неохотно, Мари остаётся возле гроба, Ффион идёт со мной.

Спальня расположена на первом этаже, за кухней. Кровать разобрана, матрас прислонён к стене; на полу лежат следы от ножек тумбочки, которую перенесли к гробу. Сам ящик стоит на стуле. Рис открывает.

Внутри упаковки таблеток, запасные трубки для кислорода, батарейки и две расчёски. Ингалятора нет. Коричневого конверта тоже.

Кэрис фотографирует содержимое на служебный телефон и записывает отсутствие.

— Обычный ингалятор мог быть выброшен после окончания срока, — объясняет она.
— Семья могла переложить. Это ещё ничего не означает.

— Хауэлл мог взять, — произносит Рис.

Впервые версия исходит от него.

— Почему думаете? — спрашиваю я.

Он стоит в дверях, удерживая косяк ладонью.

— Вышел из комнаты с правой рукой в кармане. Я заметил, потому что второй рукой надевал пальто. Обычно он застёгивает обеими.

— Почему раньше не сказали?

— Не считал важным.

— А сейчас?

Рис смотрит на прозрачный пакет с запасным ингалятором.

— Сейчас вы все смотрите на спреи.

Кэрис записывает его слова отдельно и просит подписать. Рис читает каждую строку, исправляет «забрал» на «мог держать предмет» и ставит инициалы возле правки.

На кухне Ффион фотографирует пустой конверт рядом с заявлением Риса, не совмещая их в один кадр. Два источника остаются отдельными.

Дай переносит инструменты в фургон. Перед уходом подходит ко мне.

— Что ушло?

— Ещё не проверила.

— Проверь до дороги.

Он знает цену по Олуэн, хотя не называет механизм.

Мы садимся в машину Ффион. Она не заводит двигатель. Телефон ставит в держатель, реестр кладёт мне на колени.

— Известные потери.

Я прохожу по ним. Прихожая в Кардиффе отсутствует. Лицо Иуана не возвращается. Неизвестное место остаётся неизвестным. Ниа Харт ещё существует как человек, голос и сообщения; на этой точке она не потеряна.

— Бранвен.

Лицо матери доступно, голос слышен, кухня Олуэн и жёлтое платье сохраняются.

— Работа, — просит Ффион.

Я называю зал в Кардиффе, где вчера должен был идти процесс, свой стол, кабели, судебную кафедру. Всё на месте.

— Беллами.

Название известно. Дело тоже.

Я вела процесс Беллами девять недель. В расписании есть даты, в ноутбуке — расшифровки, на служебной карте — номер помещения. Помню судью, обвинителя и свидетеля, который говорил, опустив голову. Знаю, что Ниа подменяла меня один день.

Самого зала нет.

— Что? — спрашивает Ффион.

— Беллами.

— Какой кусок?

— Помещение целиком.

Она открывает телефон и находит фотографию, присланную Нией: два бумажных стакана на подоконнике, за ними деревянная панель и табличка с номером зала. Я узнаю людей по подписям в переписке, понимаю, где должна стоять дверь, но войти в пространство не могу.

— Ты помнишь дорогу туда? — уточняет Ффион.

— Лифт, коридор, пост охраны. Дальше провал. Следующая память начинается за столом стенографиста без комнаты вокруг.

— Записывай.

Я открываю новый лист.

Зал Беллами. Судебный процесс, девять недель. Источники: расписание суда, расшифровки, фотографии Нии, служебный пропуск. Утрачено пространство зала и движение внутри него. Обнаружено после хлеба Оуэна Морриса.

Ффион фотографирует лист.

— Цена соответствует чему? — спрашивает она.

— Пространству, где я слушала и записывала чужие слова.

— А получила?

Я смотрю на дом Моррисов через лобовое стекло. У окна стоит Мари, за ней закрытый гроб. Внутри меня Хауэлл наклоняется к уху Оуэна и оставляет признание, которое тот не хотел слышать.

— Чужую постель и чужое признание.

Фраза не раскрывает содержание и проходит свободно.

— Значит, область совпадает, — произносит Ффион. — Слушание за слушание.

— Это пока наблюдение.

— Запиши именно так.

Я добавляю: возможная связь цены с областью полученного; не подтверждено.

Ффион заводит двигатель, но не снимает машину с тормоза.

— Вон?

— У нас её ещё нет.

— Тогда кому сообщать?

— Пока никому. Нужно найти внешний маршрут к Идрису.

Рис выходит на крыльцо. В руке у него старый семейный альбом и сложенный лист.

Он подходит к машине Ффион и стучит по стеклу. Она опускает его.

— Нашёл свидетельство Идриса, — говорит он. — Отец хранил копию.

Я выхожу.

На листе имя: Идрис Моррис. Год смерти — 1987. Причина — острая дыхательная недостаточность на фоне хронического заболевания лёгких. Место смерти — дом на Верхней дороге. Врач, подтвердивший смерть, — Гарет Хауэлл.

В альбоме фотография братьев: Оуэн моложе, Идрис сидит на каменной стене, у ног ведро с яблоками. На обороте Мари подписала имена.

— Ингалятор? — спрашиваю я.

Рис перелистывает.

— У него был синий. Мама хранила после смерти, отец выбросил при ремонте.

— Лампа стояла у кровати?

Он смотрит на меня с раздражением.

— В каждом доме стоит лампа.

— Какая именно?

— Низкая, с зелёным абажуром. Отец забрал её в мастерскую, когда переделывали комнату.

— Сохранилась?

— Не знаю.

— Мастерская где?

— За теплицей.

Ффион выходит из машины.

— Мы не идём туда без вашего разрешения и свидетеля.

Рис сжимает свидетельство.

— Идите. Я хочу понять, зачем Хауэлл признался отцу перед смертью.

Вопрос возникает у него из конверта, отсутствующего ингалятора и моего внимания к старому брату. Содержание исповеди он не знает. Тем не менее направление уже существует в мире.

Мастерская давно используется как склад. Рис открывает навесной замок, Кэрис остаётся у двери, Ффион снимает общий вид. Внутри доски, садовые инструменты, две коробки посуды и старый стол. Лампа лежит на верхней полке, завёрнутая в газету.

Зелёный абажур выцвел. На основании светлый круг и царапина у заднего края. За лампой ничего нет.

Рис ставит её на стол.

— Это она.

— Откуда уверенность?

— Отец ненавидел зелёный цвет. Говорил, что после Идриса не хочет видеть её в доме.

Кэрис записывает его слова.

Ффион фотографирует лампу со всех сторон. Я не касаюсь. Предмет не связан с индексом напрямую; память Хауэлла пришла через хлеб Оуэна, а лампа только подтверждает комнату.

— Полиции? — спрашивает Рис.

— Сначала районному врачу и коронеру, если Кэрис сочтёт нужным, — отвечает Ффион.

Кэрис смотрит на свидетельство Идриса.

— Смерть тридцатидевятилетней давности без новых медицинских данных не откроют из-за лампы. Но заявление о вчерашнем визите Хауэлла и пропавшем конверте я передам врачу, подписывающему свидетельство Оуэна. Если он увидит основание, уведомит coronera.

— А если не увидит?

— Сохраните фотографии и письменное объяснение.

Она говорит с нами уже нашим языком, хотя пришла из обычной медицинской процедуры.

Перед уходом Рис заворачивает лампу в новый пакет и подписывает дату. Старую газету складывает отдельно; выпуск относится к 1994 году, значит, лампу завернули спустя несколько лет после смерти Идриса. Это ничего не говорит о ночи, но даёт нижнюю границу хранения.

Мы возвращаемся к машине.

Ффион проверяет время.

— Домой.

— Сначала Олуэн.

— Что?

— В тетрадах должна быть запись Оуэна или Идриса.

— Олуэн не могла записать сегодняшнюю смерть.

— Идриса могла.

— Это ещё одна причина ждать.

— Это внешний мост.

— Это ещё один предмет после полной цены.

Она смотрит на меня через крышу машины.

— Я обещала не открывать больше сегодня в четвёртой главе. Обещание закончилось ночью.

— Ты слышишь себя?

— Да.

— Тогда услышишь и меня. Сегодня тетради только фотографируем. Без прикосновений к пришитым вещам.

— Согласна.

По дороге Ффион звонит Ние Харт. Просит подтвердить зал Беллами и прислать фотографии помещения, где мы работали. Ниа не задаёт вопросов при мне, обещает отправить план рассадки, служебные снимки и календарь процесса.

— Эйра рядом? — спрашивает она через громкую связь.

— Да.

— Она помнит меня?

— Да.

На этой точке ответ правдив.

— Тогда передай: запасной кабель был под третьим стулом у стены. Она всегда забывала и обвиняла архитектуру.

Я слышу голос Нии и улыбаюсь раньше, чем успеваю решить. Человек существует.

— Я слышала, — отвечаю я.

— Хорошо. Значит, хотя бы привычка обвинять здания осталась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.